

Дмитрий Христосенко

КРОВЬ ДРАКОНА ДЕРЖАТЬ СТРОЙ

Дмитрий Викторович Христосенко
Держать строй
Серия «Кровь дракона», книга 2
Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24711597
Держать строй: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-105149-5

Аннотация

Глебу Волкову повезло выжить и не попасть в плен. Большая часть дружинников оказалась верна престолу. С их помощью Волкову удалось уйти, но что делать дальше? И отряд уходит в Пустоши. Находят соратников, набирают новобранцев и готовят войско. Врагов намного больше, но Глебу необходимо прорваться на свою территорию, а значит, вся надежда на боевое слаживание и тактические наработки Волкова. Держать строй, воины! Держать строй! Мы идем на прорыв.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	27
Глава 2	78
Глава 3	111
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Дмитрий Христосенко

Кровь дракона.

Держать строй

© Дмитрий Христосенко, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Пройди свой путь.
Он ведь один, и с него не свернуть.
Пусть не знаешь, зачем,
И не знаешь, куда
Ты идешь...
Пройди свой путь.
Ты не сумеешь назад все вернуть
И не знаешь пока,
Что в конце тупика
Ты найдешь...
Ты найдешь...*

Эпидемия

Пролог

Пленных фаросцев туронские солдаты вначале погнали следом за рыцарской кавалерией, но потом конница устремилась дальше по тракту, а они свернули в сторону городских стен. На воротах уже стояла стража в цветах маркграфа.

– Быстро они, – присвистнул кто-то из пленников.

– Ничего удивительного. Город и не сопротивлялся, – откликнулся другой.

– Думаешь?

– А то не видно, – зло произнес еще один. – Никаких следов штурма. Да и не успели бы туронцы за такой короткий срок. Небось стража сразу оружие побросала да разбежалась по углам, как крысы. А там ворота настежь и ключи от города с поклоном.

– Может, врасплох взяли?

В ответ – презрительное фырканье.

За воротами пленников разделили. Всех выживших столичных дворян повели куда-то в центральную часть города, а всех остальных отконвоировали в тюрьму. Новый начальник тюрьмы из туронцев пополнению своих поднадзорных не обрадовался.

– И куда мне их? – сварливо поинтересовался он у начальника конвоя. – У меня свободных камер нет.

То, что тюрьма переполнена, не удивляло. Недовольные

новой властью имелись, и с ними, понятное дело, не церемонились. Да и преступный мир попал под облаву – прикормленных осведомителей среди туронцев, сменивших городскую стражу из местных, у них не было.

– Раскидай по несколько человек на камеру. Потеснятся – поместятся, – предложил командир конвоя.

– У меня местных бандитов выше крыши. Они мне с твоими бойню устроят.

– А нам какое дело? Перебьют друг друга – туда им и дорога.

– Тоже верно.

Начальник тюрьмы сверился с поданными списками и приказал распределить пленных по камерам. Когда пленных гнали мимо туронских командиров, кто-то из фароссцев высказался, что им не помешала бы помощь лекаря, но это замечание было высокомерно проигнорировано.

Раздраженные конвоиры, уже предвкушающие заслуженный отдых, быстро растолкали пленных по камерам. Волей случая Горик Або попал в одну группу с Граулом и двумя неразлучными соседями-приятелями – Картагом и Сплитом. С ними же оказались незнакомый наемник и парочка амельских ополченцев.

Камера была переполнена, и старожилы устали на новоприбывших взглядами, далекими от дружелюбия. Один ополченец сунулся было присесть на уголок ближайших нар, но толчок ногой в спину спихнул его на пол. Стукнувшись

копчиком, он громко вскрикнул. Тюремные обитатели разразились издевательским смехом. Второй амелец решил помочь подняться упавшему, но ему навстречу спрыгнул с нар, громко стукнув по полу деревянными башмаками, обнаженный по пояс патлатый мужик. Цыкнул сквозь зубы на незваного помощника, заставив его испуганно отскочить за спины нугарцев, почесал заросшую густым волосом грудь, выловил вшу и раздавил ее ногтями. Хмыкнул, оглядел новичков с ног до головы. Не впечатлился. Бледные, осунувшиеся от усталости лица, грязная, оборванная одежда, босые ноги. Может, не разглядел в новоприбывших воинов, а может, словная принадлежность гостей только усугубила ситуацию. Все же солдаты и преступники взаимно недолюбливают друг друга. Часто первым приходится участвовать в облавах на вторых.

Небрежно отпихнув ногой сидевшего на полу ополченца, он вразвалочку направился к стоящим у входа фаросским бойцам.

– Ну-с, что встали как неродные, – протянув руку, фамильярно похлопал Сплита по щеке.

Зашипев, как кот, на которого плеснули водой, нугарец ухватился за подставленную руку и выкрутил ее так, что старожил рухнул на колени, завывая от боли. Расправа над одним из них не пришлась по нраву обитателям тюрьмы. Сразу человек шесть-семь поднялись со своих мест с намерением проучить дерзких новичков.

Граул радостно взревел и кинулся им навстречу, перескочив через торопливо отползающего в сторонку ополченца. Чертыхнувшись, Горик Або поспешил следом за земляком. Рядом бежал незнакомый наемник. Позади шлепал по полу босыми ногами Сплит. Даже ослабленный ранами и измученный долгой пробежкой Картаг отлип от стены и устремился следом за товарищами. А Граул уже схлестнулся с противниками. Первого он сбил с ног ударом кулака в висок, поднырнул под удар второго и влетел в распахнутые объятия третьего. Могучий мужик сразу же сграбастал нугарца толстыми ручищами, намереваясь раздавить, но ветеран не растерялся, с силой ударив лбом по лицу противника. Раздался хруст. Из носа здоровяка брызнула кровь. Второй удар. Третий. Мужик заревел. Граул методично колотил лбом, превращая лицо недруга в кровавое месиво. Сцепленные в замок руки на спине нугарц разжались, теперь уже сам фаросец с рычанием дикого зверя вцепился в своего противника, продолжая наносить удары. В каждый удар он вкладывал всю свою накопившуюся злость и ненависть – за поражение, за погибших товарищей, за страшную смерть Алвина Лира, за плен, за побои конвоиров, за ноющий рубец на боку. Вздвигая нугарца попытались оттащить подельники жертвы, но тут подоспели его товарищи и втоптали в пол своих противников.

– Хватит, Граул, – сказал Горик, и тот послушался. Стоило ему разжать руки, и лишившийся опоры здоровяк без-

вольно осел на пол камеры. Со всех сторон на борзых новичков были направлены недовольные взгляды, но с претензиями никто не лез. Здесь все держались обособленными группами, и до чужих разборок никому не было дела.

– Пошли места подыщем, – предложил Сплит.

Граул сразу прошел вперед, остановившись у нар возле зарешеченного окна.

– Чего искать, вот самый лучший вариант.

– Занято, – лениво процедил один, и приятели поддержали его согласными возгласами. – То, что вы отделали этих неудачников, еще не дает вам права распоряжаться. Так что проваливай. – Говоривший небрежно помахал рукой, так, словно отгонял назойливое насекомое. Если его и впечатлила быстрая расправа новоприбывших с одной из конкурирующих шаяк, то вида он не показал.

– Занято, говоришь? – переспросил Граул и, взъярившись, сбросил его с нар. – Уже свободно.

Воин схватил за волосы поднимающегося с пола оппонента и с размаху приложил головой об нары. Сзади, с той стороны прохода, на него напрыгнул один из дружков пострадавшего, вцепился в шею. Граул рывком перебросил его через себя, вlepил упавшему пяткой по голове. Дернувшимся в его сторону остальным сказал с угрозой:

– Исчезли с моих глаз. Покалечу.

– Он может, – подтвердил оказавшийся рядом Горик.

– Если что – мы поможем, – добавил Сплит.

Граул кивнул. Буркнул что-то утвердительное наемник.

Камера заинтересованно притихла. Всех хотелось узнать, уступят ли признанные верховоды или дадут отпор наглým притязаниям.

Уступили.

Оставшийся за главного посмотрел на двух потерявших сознание подельников, украдкой взглянул на хорохорящихся, но уже смирившихся с поражением товарищей, заметил предвкушающие развлечение взгляды обитателей камеры, внесла свою лепту и спокойная уверенность оппонентов, готовых идти до конца, и он не стал обострять ситуацию. Слез с нар. Не слишком торопливо, чтобы не потерять остатки достоинства. Его примеру последовали остальные. Подхватив своих потерявших сознание товарищей, они удалились во-свояси. Ничего, парни крепкие, найдут себе другое место. А не найдут – какое дело фаросским бойцам до их проблем?

Камера, уже настроившаяся на зрелище, разочарованно загудела.

Проигнорировав поднявшийся гул, Горик Або запрыгнул на нары, расслабился и прикрыл глаза. Разместились и его спутники. Даже ополченцы подобрались поближе, робко пристроившись с краешку.

Горик не заметил, как уснул. Разбудил его толчок в плечо. – Как думаешь, кто-то из наших сумел уйти?

Вопрос озадачил. Раньше подобные темы не поднимались. Обсуждать поражение было неприятно.

Горик почесал затылок.

– Кхм, я не уверен, но у Сувора Тампля были неплохие шансы уйти. Он первым прорвался к лучникам, и если его не подстрелили в тех зарослях, то мог и прорваться, когда понял, что нам не победить.

– Рамор. Эраст, – вставил Картаг.

– Рамор – булава. Шлем всмятку. Эраста стрелой, – отозвался Граул.

– Хьюго Циммель? Молодой, но боец один из лучших, – спросил Сплит.

– Был, – мрачно сказал Горик. – На четыре копья приняли. Вслед за Сувором еще несколько прорвалось, кто именно, не разглядел.

– Я. Бастер. Перед нами кто-то, – перечислил Граул. – Нарвались на туронских рыцарей. Бастер двоих срубил, но и сам... того. Я одного убил и двоих достал, перед тем как меня оглушили.

– Из наших ни одного, – добавил наемник.

– Выходит, в лучшем случае человека три ушли, – полувопросительно-полуутвердительно произнес Сплит.

– Еще амельцев столько же, – сказал Картаг. В ответ на вопросительные взгляды товарищей пояснил: – Туронцы обсуждали.

– Да плевать на амельцев! – взорвался Граул.

– Тише. Чего бесишься?

Граул зыркнул исподлобья на пытавшегося его успокоить

Горика, фыркнул и демонстративно отвернулся.

Остальные недоуменно переглянулись. Сплит уже соби-
рался поинтересоваться у Граула, что на него нашло, но вме-
шался Горик Або:

– Оставь, – чуть слышно шевельнул он губами. – Сам
успокоится, – и уже громче: – Маркиз, судя по всему, тоже
уцелел.

– Ну да, – с готовностью подхватил Сплит. – И наверняка
не один. Странно только...

– Что?

– У меня коня в самом начале подстрелили, пока сумел
выбраться, вы уже далеко оторвались, так что я почитай в
тылу был, но вот что-то ни маркиза, ни его охрану не при-
метил. Они, конечно, когда все началось, далековато были,
но все же...

– Они в другую сторону на прорыв пошли, – вновь подал
голос наемник. – Там ополченцы в панику ударились, мета-
лись, как стадо баранов, соседей наших сразу смяли, так что
охране маркиза к нам не пробиться было. Мы сгруппировались – в
оборону встали. Надо было тоже на прорыв идти, – он мах-
нул рукой. – А отряд маркиза я заметил. Шли ходко – бой-
цы там отменные оказались. Их вроде туронские рыцари за-
жали уже на самой обочине. Дальше не знаю. Некогда было.
Может, кому и повезло.

– Может.

Все замолчали. Тема исчерпала себя.

Надзиратели в камеру заявили только на следующий день. Огляделись. Один сказал:

— А здесь довольно спокойно, не то что у других. Там даже трупы пришлось выносить.

Раздали заключенным еду, запахом и консистенцией напоминающую помои, и удалились.

Лекарь в камере так и не объявился. Ни в этот день, ни на следующий.

На третий день всех пленников и часть других обитателей тюрьмы вывели наружу и погнали по тракту на север.

Горик с товарищами, вспомнив разговоры тюремщиков, попытались перекинуться с остальными парой фраз, чтобы выяснить, как у них сложились взаимоотношения с сокамерниками, но охрана находилась во взвинченном состоянии и жестко пресекала разговоры между пленниками. Из обмолвок удалось понять, что кто-то сумел вырезать в городе эльфийский отряд, и теперь взбешенные сородичи убитых рыщут в поисках виновных. Эта суматоха не прошла мимо турунцев. Патрули на дорогах были усилены, а все свободные бойцы вместо заслуженного отдыха принимали участие в розыскных мероприятиях. Нынешние конвоиры тоже были задействованы в поиске, а по возвращению в город отправлены сопровождать колонну военнопленных, поскольку другого свободного отряда у коменданта города под рукой не оказалось. Понятно, что радости им такой приказ не прибавил, и они срывали раздражение на своих поднадзорных.

Переходы были длинные, провианта для арестантов вообще не было, возможно из практических соображений – вряд ли изможденные пленники будут способны на побег, – так что даже тюремная баланда вспоминалась ими как предел мечтаний.

По дороге они несколько раз встречались с туронскими патрулями, проходили мимо деревень, однажды прошли через небольшой городок – обычно они обходили их стороной. Местные жители смотрели на пленников... По-разному смотрели, но равнодушных не было. Растерянность, удивление, сочувствие, неприязнь, а то и откровенная злоба, словно лишившиеся привычной мирной жизни горожане возлагали всю вину за произошедшее на фаросских бойцов. Как же, не защитили, не обезопасили?! И кому какое дело, сколько их полегло в той злополучной засаде?

Кто-то, глядя на усталых, израненных соотечественников, пытался передать им хоть кусок хлеба. Конвой отгонял сердобольных, не допуская их до колонны, но часть продуктов пленники получили. Провизия пряталась под рубаху или в рукавах. Вечером на привале разделят, большую часть передадут раненым.

Спустя пару дней пленники прибыли в пункт назначения. Конвой рьяно подгонял пленных.

– Шевелись, немочь ходячая, недолго осталось. Почти прибыли.

Нашлись среди пленников знающие люди.

– Ирс.

Как ни торопили туронцы своих подопечных, но прибыли уже в потемках.

Несмотря на сумерки, многие смогли разглядеть цель пути еще на подходе. И это был не Ирс. До города они не дошли. На первый взгляд, местом прибытия оказался обычный замок небогатого дворянина, расположенный почему-то у подножия горы. Прямоугольник высотой метров пять-шесть, сложенный из кирпича. Башни отсутствуют. Вместо них четыре вышки по углам строения. Невысокие, но с широкими площадками, способными вместить по десятку стрелков.

– Они что, издеваются? – ошарашенно заявил один из пленников.

Раздалась еще парочка негодующих воплей. Кто-то прошептал остальным:

– Ирский рудник.

Свистнула плеть.

– Не болтай языком, лучше ногами шевели.

Караульные службой себя не особо напрягали, окликнули прибывших только после того, как они скучились у самых ворот, а начальник конвоя принялся долбить рукоятью меча в дубовые створки.

Разобрались быстро. Загремел отодвигаемый засов, ворота распахнулись, и уставший отряд втянулся в форт.

Уставший командир конвоя не был настроен на долгие разговоры и после короткого обмена приветствиями сразу

поинтересовался у начальника местной стражи:

– Какой барак посвободнее?

– Выбирай любой, – щедро предложил тот. – Других... – тут он хохотнул, – постояльцев у нас нет. Когда мы сюда прибыли, здесь ни единой души не было. Ни каторжан, ни солдат.

– О как? – удивился начальник конвоя. – Это куда же они делись?

– Сам понимаешь, здесь спросить не у кого было, но командир у нас такой обстоятельный. Он как узнал, сразу же поспрошал кой-кого в городе. Местные не больно-то запирались, выложили все как на духу. Выяснилось, начальник здешний оказался больно ответственным, до него только дошли слухи о нашем вторжении, так он, паскуда, сразу распорядился всех каторжан распустить, понимал, небось, что работающий рудник нам не лишним будет, вот и решил хоть так нагадить. После чего исчез в неизвестном направлении вместе со своими подчиненными. А вы к нам с какой целью? Новых работников пригнали?

– Нет, мы здесь временно... – начал отвечать старший конвоя, но тут же осекся. Повернулся, оглядел собравшихся и грозно спросил своих подчиненных: – Чего столпились? Слышали, что бараки свободны? Давайте их всех туда. Да не загоняйте всех скопом в один. Половину в первый, половину во второй – в самый раз будет.

Уставшие солдаты не стали медлить. Разделили толпу на

две части и развели по баракам. Пленники, вымотавшиеся еще сильнее своего конвоя, стоило им только добраться до нар, свалились в забытие. Лишь время от времени сквозь сон доносились вскрики мучимых ранами фаросских бойцов, полугорячечный бред да глухой кашель.

Утром принесли еду. И, надо заметить, получше тюремной баланды. Впрочем, изголодавшиеся фаросцы и той были бы рады. Второй раз кормили ближе к вечеру. Воду давали три раза в день по кружке на брата и трижды выводили пленников справить нужду.

Следующий день прошел по тому же распорядку. На работу на руднике пленных не выводили, казалось, что охрана просто выжидает.

Через несколько дней ожидание закончилось.

Утро началось с привычного вопля:

– Подъем, ублюдки!

Загрохотал отодвигаемый тяжелый засов, дверь распахнулась, но, вместо четверки бойцов, несущих тяжелый котел, в барак забежало не меньше трех десятков солдат, принявшихся лупить пленников дубинками и древками копий и алебард.

– Построиться, уроды, всем построиться! – орали они, щедро раздавая удары.

Фаросцы, прикрываясь руками, посыпались с нар, выстраиваясь напротив друг друга в две шеренги, справа и слева от входа. Кто-то неразумно попробовал огрызнуться, но

сразу же получил дубинкой по зубам, после чего его сбросили вниз и долго месили сапогами. Другой, получив первый удар, извернулся, распрямил подтянутые к животу ноги, мощным толчком отшвырнул солдата от себя. Соскочил с нар, пригнулся, пропуская над головой древко копья набежавшего сбоку противника, удар следующего блокировал растянутой цепью кандалов, сложил руки вместе, цепь провисла, и он с размаху ударил ей как кистенем. Раздался хруст. Туронец отлетел на середину прохода, голова бессильно откинулась вбок, и все увидели кровавую рану на виске с выглядывающими осколками кости. Раздалась ругань, оказавшиеся поблизости туронцы развернулись к размахивающему цепью врагу, перевернули копья остриями вперед и дружно шагнули к нему. Послышался резкий выкрик от входа в барак, и они тотчас отступили. Щелкнули арбалеты. Не меньше шести болтов ударило в безумца – иначе его не назовешь, – вооруженного цепью, один вонзился в стену барака, а еще три влетело в толпу пленников. Звук упавшего тела, сдвоенный вопль боли. Фаросцы отпрянули кто куда, спасаясь от возможных выстрелов. На грязном полу барака неподвижно лежал один убитый, второй с кровавой пеной на губах, хрипел, судорожно подергивая ногами, – не жилец! – вцепившись пальцами в арбалетный болт в животе, третий баюкал перебитую выстрелом руку. Повелительный окрик, и дубинки туронских бойцов заставили пленников выстроиться возле нар. Многие – по большей части ополченцы – испуганно

дрожали, бросая опасливые взгляды то на тела подстреленных, то на выстроившихся возле входа арбалетчиков.

– На выход! – рявкнул командир арбалетчиков. – Пошевеливайтесь, сучьи дети, и не брыкайтесь – болтов на всех хватит! ... Живее, живее! – подогнал он замешкавшихся пленников.

Стрелки раздались в стороны, освобождая дорогу, но арбалеты по-прежнему были направлены на фароссцев. Пленники потянулись на выход.

– Зачем он так? – спросил кто-то впереди Горика Або, проходя мимо убитого с цепью.

Откликнулся один из нугарцев:

– Раны воспалились. Не больше трех дней протянул бы без целителя, вот и решил уйти так, в бою.

– А мы здесь при чем? Нас из-за него чуть всех не перестреляли! – раздался чей-то истеричный голос позади рыцаря. – Ненормальный ублюдок!

Горик повернул голову, пытаясь разглядеть кричащего, и охнул, получив тычок дубинкой под ребра.

– Не вертись, шагай, – с угрозой сказал оказавшийся рядом туронский солдат, похлопывая дубинкой по раскрытой ладони. Знал ли он, что перед ним человек благородного происхождения. Наверняка. Слишком самодовольным выглядел. Может быть, ему впервые выпала возможность безнаказанно поглумиться над аристократом. И он это подтвердил, сказал ехидно, видя, как Горик украдкой потер ушиб-

ленное место: – Никак ребра болят, сэр рыцарь?

Горик бросил на него угрюмый взгляд и промолчал, не стал нагнетать и без того нервную обстановку. Пообещав себе обязательно отплатить наглецу сторицей, буде такая возможность представится. Еще никто не мог похвастаться, что нугарский рыцарь не отомстил за унижение.

– Заткнись, сволочь! – послышался озлобленный голос еще одного нугарца, и следом донесся звук затрешины. И без Горика нашлись желающие вразумить сорвавшегося.

– Тихо там!

Проходя мимо подстреленных, Горик отметил, что знакомых среди них нет – двое амельских ополченцев и один из тех, что находились здесь еще до прибытия военнопленных, то ли каторжанин, то ли пойманный туронцами вор из города, – и равнодушно прошел мимо. А вот рядом с убитым нугарцем он сбавил шаг и почтительно наклонил голову.

– Двигай быстрее! – подогнал его туронский солдат.

Горик Або, прищурившись, шагнул из темного барака на свет, чуть не врезавшись в шагающего перед ним фароссца, который почему-то замешкался, в спину толкнулся идущий следом. Рыцарь с трудом удержал равновесие и сразу же заполучил удар по почкам. Рядом с Гориком, нахально скалясь, стоял все тот же солдат. Видимо, в лице нугарского рыцаря он нашел персональный объект для издевательств.

– Как вы, сэр, в порядке? – притворно учтиво спросил мучитель.

– Нормально, – хрипло выдохнул рыцарь, усилием воли заставив себя выпрямиться.

Украдкой огляделся, чтобы не спровоцировать на дальнейшие издевательства своего топчущегося рядом надсмотрщика. Помимо трех десятков подгоняющих пленников бойцов и двух десятков арбалетчиков, на площадке между бараками выстроилось не менее полусотни копейщиков, здесь же находился и командир отряда в рыцарских доспехах, его оруженосец и писарь, держащий перед собой развернутый свиток, а также непонятный толстяк в богатых одеждах в сопровождении десятка головорезов. На вышках вокруг лагеря виднелись лучники. По приблизительным подсчетам – человек тридцать – тридцать пять.

Выстроившихся возле барака фаросцев пересчитали, сверились со списком, после чего недовольно нахмурившийся командир спросил:

– Где еще четверо?

Старший арбалетчиков ответил:

– Сэр, трое убиты, один ранен. Взбунтовались, – вдаваться в подробности, что оказал сопротивление только один пленник, а остальные погибшие случайно попали под выпущенные болты, он не стал. – Один из наших солдат мертв.

– Кто?

– Велс, сэр.

– Что с раненым фаросцем?

– Перебита рука, сэр. Вон, его вытащили, – махнул арба-

летчик в сторону входа в барак.

Вмешался подошедший толстяк.

– С перебитой рукой не возьму, – противным голосом заявил он. – Сдохнет по дороге. И другие тяжелые, если они у вас есть, мне без надобности.

Туронский начальник скривился. Ткнул пальцем в сторону фароссца со сломанной рукой, потом в одного из стоящих в строю:

– Этого и этого добить.

Два арбалетных щелчка – и два мертвых тела.

Обежав взглядом строй пленников, начальник спросил:

– Где еще один полудохлый?

– Среди убитых в бараке, сэр. Именно он начал драку с нашими солдатами.

– Хоть здесь повезло, – вздохнул командир туронцев и, обернувшись к писарю: – Вычеркивай пятерых. Отгоняйте этих в сторону и открывайте второй барак. Дохлятину кончайте, как выведете, потом доложите.

Копейщики отвели фароссцев в сторону, в то время как остальные туронцы занялись обитателями второго барака. Тех так же выгнали наружу, построили, пересчитали, добились нескольких раненых и присоединили к первым.

– Всего девяносто три человека, господин Тарох. Распишитесь и забирайте.

Тарох недовольно надул щеки, буркнул что-то себе под нос, но в протянутом свитке расписался. Спросил сварливо:

– До причалов сопроводите?

– Как уговорено.

Ворота распахнулись, и пленников выгнали наружу. Там же стояла повозка, в которую забрались Тарох и туронский командир.

– Гоните их к причалам, – распорядился он напоследок.

Возница щелкнул кнутом, и повозка бодро покатила вперед. Следом за ней солдаты погнали пленников. Естественно, бегом. Отстающих подбадривали бодрящими тычками копий и живительными пинками. Повозка вскоре скрылась из виду, но солдаты продолжали гнать пленников. Так и бежали до самого города. Вблизи городских стен свернули в сторону реки. Лишь возле причалов им позволили остановиться. Многие тут же повалились на землю, заполошно глотая воздух и заходясь надсадным кашлем. На ногах остались одни нугарцы с примкнувшими к ним выжившими в бою наемниками. Всего около тридцати человек. Не всем далась легко эта пробежка, но ни один не упал, обессилевших поддерживали товарищи. Еще в процессе бега они неосознанно сбились в одну кучку.

Горик Або тупо разглядывал покачивающиеся (а может, это он сам качался) возле причала баржи и никак не мог поверить в увиденное. Над шатром на носу передней баржи вился сразу привлекший его внимание ергетский значок, а с учетом того, каким ремеслом промышляют торговцы этого государства... Наконец, до рыцаря дошло, что ему не мере-

щится, и он выдохнул:

– Иметь их всех моим конем!

– Горик, ты чего? – спросил Граул.

– На значок над шатром глянь!

Граул разразился потоком ругательств, его поддержали другие. Тем, кто не понял, разъяснили, какая судьба им уготовлена, после чего и они не остались безучастными. Такого вероломства от туронского маркграфа пленные бойцы не ожидали. Что может быть для воина позорнее рабства?

– Чего разорались? По хребту захотели?

Выкрики утихли, но фаросские воины продолжали негромко ворчать.

Лежащих на земле поднимали пинками и гнали на две последние баржи. Погнали было и держащихся вместе бойцов, но вмешался туронский командир:

– Этих лучше разделить. Нугарцы.

Подручные ергетского работорговца понятиливо закивали и разделили фаросских бойцов на мелкие группки. Горика Або с четырьмя товарищами направили на первую баржу, Граул попал на вторую, Картаг и Сплит с парой наемников – на третью. Куда повели остальных нугарцев, рыцарь не успел рассмотреть, поднявшись на высокую палубу баржи. Был уверен только, что на головную не направили никого. Не дав пленникам оглядеться, их сразу же загнали в трюм.

Внизу было тесно. Находившиеся там люди недовольно заворчали при виде новоприбывших, но охрана проигнори-

ровала их выкрики.

– Не вздумайте устроить драку, – сказал напоследок один, прежде чем закрыть люк.

Оставшись без хоть какого-то освещения, фаросцы вынуждены были толкаться возле лестницы, дожидаясь, пока глаза привыкнут к окружающей темноте. Любая попытка двинуться вперед сразу встречалась руганью окружающих.

– Фаросс! Есть кто свой? – решил Горик обозначить себя.

Из темноты донеслось:

– Как не быть? Восемнадцать человек с седьмого гарнизона, двое с четырнадцатого. Сами-то кто?

– Нугарцы.

– Ну, давайте к нам.

– Рады бы...

– А, ну да, ну да... – Горик подумал, что говоривший в это время покачал головой.

Послышались недовольные возгласы, в ответ чей-то уверенный голос посоветовал недовольным заткнуться.

Вскоре стала понятна причина переполоха, Рядом с новоприбывшими появился темный силуэт, цепко ухватив Горика за руку, он сказал:

– Цепляйтесь друг за друга и за мной.

Фаросцы потянулись следом за провожатым. Время от времени они цеплялись за кого-то ногами, в ответ доносились ругательства. Обитатели трюма обходились только вы-

ражением словесного недовольства, до рукоприкладства не доходило. Блуждание в потемках закончилось быстро.

– Рассаживайтесь, – сказал провожатый, выпустив руку рыцаря, и, подавая пример, плюхнулся на пол.

Фаросцы сели.

– Сержант Кресс, седьмой гарнизон, – представился сидевший напротив Горика человек.

– Горик Або, нугарский рыцарь, – отозвался он.

Сержант представил остальных бойцов, Горик – своих спутников.

– Вот и познакомились, – сказал Кресс.

– Только повод не тот.

– Я бы тоже был рад встрече при других обстоятельствах.

– Это точно.

Оба собеседника одновременно вздохнули.

На причале туронский командир распрощался с купцом.

– Не беспокойтесь, почтенный Тарох, обещанная охрана будет ожидать вас в уговоренном месте.

Пожал пухлую руку ергетского работорговца и, в сопровождении своих солдат, отправился в город.

Купец поднялся по сходням на переднюю баржу и приказал отчаливать.

Глава 1

Со времени расправы с шестеркой эльфийских стрелков – Грох потом сильно сокрушался, что ему не довелось поучаствовать – Глеб и его спутники время даром не теряли. Запутав свои следы, маленькому отряду удалось оторваться от возможных преследователей. Они обнаружили в лесу заброшенный охотничий домик, где и провели целых шесть дней, дожидаясь, пока истощенные товарищи наберутся сил. Здоровые бойцы тоже не тратили время попусту, каждый день устраивая изматывающие тренировки.

В поединках Глеб еще ни разу не добился победы, но он не слишком горевал по этому поводу, жадно впитывая все показанные приемы. Ему было чему поучиться у своих товарищей. И Грох, и Сувор, и Нант оказались на удивление искусными бойцами, что, впрочем, и дало им возможность дожить до нынешнего дня. Да и остальные воины, постепенно восстанавливающие силы, стали иногда к ним присоединяться.

Конечно, опытные бойцы втихую удивлялись неуклюжести Волкова, ведь наследника престола обучали фехтованию лучшие мастера меча, но заметивший их недоумение Тханг дал правдоподобное объяснение, что после тяжелого ранения маркиз не успел восстановить форму. Объяснение было принято. Воины глубокомысленно покивали и с удвоенной

силой принялись за обучение Волкова. Пройдя множество боев, они впитали один непреложный закон: личное мастерство — залог выживания.

Глеб признавал их правоту и, пользуясь свободным временем, постоянно тренировался, повышая свое мастерство. Раньше, во время дворцовых тренировок с Виттором и Тхангом, он тренировался потому, что посчитал: в мире, где правит бал холодное оружие, искусство фехтования может оказаться полезным. Теперь он так не считал... Он — знал!

Когда сходишься в смертельном поединке — кому жить, а кому умереть, решает меч. И если хочешь, чтоб смертный жребий выпал твоему врагу, а не тебе, нужно владеть оружием лучше своего врага.

Тело его за прошедшие дни покрылось синяками от пропущенных ударов, не раз он катился кубарем, сбитый с ног тяжелым щитом или не уступающим в крепости камню кулаком, но он не отступался, упрямо поднимался на ноги и продолжал поединок, не обращая внимания на боль. Своим упорством он сумел заслужить искреннее уважение опытных бойцов.

Вот и теперь он сплюнул кровью из разбитой губы и возобновил атаку. Мимо! Сувор щитом отразил выпад правого глеба, отвел мечом левый клинок, совершил стремительный проход и совсем не по-рыцарски нанес удар головой. Волков успел наклониться, и два шлема столкнулись с дребезжащим звоном, от которого заныли зубы. Промашка не сму-

тила опытного бойца. Несмотря на то что в глазах потемнело от удара, Сувор коленом въехал Глебу в живот и, в довершение, с размаху опустил каблук ему на ступню. Волков зашипел от боли, скрутившей отбитые внутренности, и отскочил назад, стараясь не наступать на ноющую ногу.

Сувор опустил оружие и сказал:

– Довольно, маркиз. Поединок окончен.

Возражать его противник не стал.

Глеб проковылял к лавочке возле стены хижины и, сняв сапог, принялся осторожно щупать пострадавшую ступню. Каждое прикосновение вызывало боль, но он смог сделать утешительный вывод, что обошлось без переломов.

Между тем завязался новый поединок. Грох, размахивая тяжелым фальчионом, напирал на своего противника, но рыцарь, пользуясь преимуществом в скорости, каждый раз ловко уклонялся, пропуская разогнавшегося соперника. Грох разворачивался и возобновлял атаку, сделав ставку на мощный напор. Сувор, наоборот, решил сыграть от обороны и терпеливо выжидал, когда противник вымотается.

– Хороши! – высказался приковылявший Тханг. Рана еще не зажила до конца, и он почти не мог действовать правой рукой, не говоря уж о том, чтобы принять участие в поединках. Это расстраивало орка больше всего. Он посмотрел на кричащегося от боли Волкова и спросил: – Сильно досталось?

– Всю ногу оттоптал, – ответил Глеб, принявшись легкими прикосновениями массировать ушибленную ногу.

– Сувор?

– Ну, не Грох же! – фыркнул Глеб.

Тханг тоже улыбнулся. Действительно, если бы наступил тяжеловесный Грох, то одним синяком Волков бы не отделался.

Подошли привлеченные поединком и остальные бойцы маленького отряда: Нант, старый рыбак Дых, истощенный, с выступающими ребрами, одетый в одни подвязанные веревкой штаны младший орочий вождь Кранг из рода Ормов, чудом выживший в устроенной туронскими войсками бойне молодой сородич Тханга, Гроха и Кранга, чем-то похожий на волчонка Енг, крепкий как дуб, поглаживающий длинные усы сержант дворцовой стражи Капль, Мерик и худощавый, напоминающий телосложением подростка, подсотник ополчения Раон.

Они принялись – за исключением, само собой, Мерика – громко комментировать каждый удачный выпад поединщиков, обсуждать преимущества и недостатки бойцов, но вскоре роль пассивных наблюдателей им наскучила. Разделившись на два отряда, они устроили групповую схватку.

Воспользовавшись тем, что все его спутники заняты тренировками, а единственный, кроме них двоих, зритель – Мерик – находится слишком далеко, к тому же полностью увлечен наблюдением за сражающимися бойцами, Волков решил получить от Тханга – единственного, у кого он мог спросить о чем угодно, не боясь поставить себя в неловкое положение.

ние – ответы на давно назревшие вопросы. Он бы и раньше спросил, да все время находились какие-то более важные дела.

– Слушай, Тханг. Когда нас обнаружили несколько туронцев после той злополучной засады, один из них запустил в меня огненным шаром. Небольшим. Или большим, не знаю, какие у вас приняты критерии. Короче, размером где-то с мой кулак. Так вот, меня интересует: а что это такое вообще было? Магия?

Тханг удивленно посмотрел на Волкова, после чего сказал:

– Конечно. А почему ты спрашиваешь? Магов не встречал, что ли, раньше?

– Да у нас их вовсе нет. То есть шарлатанов всяких хватает, типа гадалок, народных целителей, провидцев, что деньги с доверчивых простаков тянут, ну или с тех, кто в отчаянии за любую соломинку готов ухватиться. По крайней мере, я никого способного сгустками огня пуляться не встречал. У нас там магию вымыслом считают. Может, ты мне про нее расскажешь? И еще: почему этот огонь мне не повредил, только рубаху прожег, а на теле кроме копоты никаких следов не было?

– Хм, я – простой орк, с магами дел не имел, – было видно, что телохранитель Данхельта в растерянности. – Если не считать того, что меня несколько раз после ранений целитель врачевал, и однажды фальчионом какого-то слабенько-

го неумеху напололам разрубил, он только и успел, что пару щитов нам подпалить, видать, ни на что более мощное силенок не хватало. Шамана встречал, но это давно было, когда в племени жил, ага. И учеников его тоже. Двое у него было. Наглые, высокомерные... Я одному из них, кхм... – Тханг замялся и перевел разговор на другую тему: – Значит маги... Рассказать могу только то, что сам слышал. Бывают классические. Это те, что обучались по классической методике в гильдиях, у наставников или в школах. Их еще просто магами называют. Они по направлениям делятся, стихийники там, целители, некроманты... Последних церковники почти всех извели, если кто где и остался, то не афиширует свою направленность. Парочка в герцогстве живет, но на показ свою деятельность не выставляют. И правильно! Церковь у нас особого влияния не имеет, но зачем зазря народ баламутить. Они с Тайной Стражей сотрудничают иногда. Эр-но их услугами пользуется, когда необходимо, заодно и под присмотром их держит. И есть те, кого к классическим не относят. Почему, не знаю, не спрашивай. Это шаманы, предсказатели, барды, знахари...

Тханг сделал перерыв в рассказе, и Волков поспешил воспользоваться возникшей паузой, чтобы уточнить:

– Целители это тоже маги? Ты про них тогда говорил, когда обещал, что с ранеными все в порядке будет? Магией их, получается, лечили?

– А как иначе? – удивился Тханг. – Конечно, магией. Я

же сказал – целители. Стихийники огнем там или молниями швыряются направо и налево, некроманты, те зомби из трупов делают и ими управляют, а целители лечат. Без магии травники врачуют, бабки повивальные, костоправы. Раны перевязать большинство ветеранов может. Нет, целители и перевязкой занимаются, и травы с мазями используют, но главное для них – магия. Есть, разумеется, и такие, что кроме пары-тройки простеньких заклинаний ни на что более серьезное не способны, но Эрно слабосилков не держит. А мастера могут тяжелые ранения в тот же день зарастить, что наутро и следов не останется.

– Постой, – Волков уловил нестыковку в его рассказе. – А как же тогда наши раненые, что в Амели остались?

– Откуда я знаю, – возмущенно заявил орк, – я же не целитель. Сказали, что все нормально с ними, и все. В тонкости я не вдавался, не разбираюсь. Может, их оружием особенным ранили. Магическим или рунным, что заживлению препятствуют. Может, яд какой на лезвии был. А может, и раны были такие, что их хоть и залечили, но для окончательного выздоровления несколько дней покоя потребовалось, вот наших и не отпустили. Такое бывает. Сам, помню, однажды почти декаду валялся, бездельничал, хотя раны мне в первый день полностью залечили, только шрамы чуть заметные оставались.

– Понятно. А почему во дворце нет мага-целителя, раз уж они не редкость?

– С чего ты так решил? Есть, конечно. А как иначе, вдруг кому из посетителей во дворце плохо станет?

– Ко мне он ни разу не заходил. Хотя... это понятно. Здоров, не болею, помирать не собираюсь, а пускать ко мне лишних людей – невыгодно. Вдруг проговорюсь.

Кому нужен еще один посвященный в мою тайну? А вот то, что наследница престола проводила ритуал без помощи мага – вопрос. Или тот ритуал к целительству не относится? Так можно было другого мага, не целителя, пригласить. Сам же говорил: и стихийники в герцогстве есть, и некроманты. Может, и другие какие имеются, например, те, кто по ритуалам специализируется. Или вы за тайну обеспокоились? Так получившийся результат никто не мог предвидеть.

– Про ритуал не знаю, слышал только, что провести его может лишь кровный родственник. Наверное, потому Эливетта его сама проводила. Тут от других магов даже в качестве поддержки толку бы не было. Дана пробовали лечить, когда он в беспамятстве был, но толку никакого. Ты спрашивал: почему на тебя магия не подействовала? Так обычная, она вообще плохо действует на драконов – хоть боевая, хоть целительская. Говорили, что где-то девять десятых всех сил впустую уходит, а то и больше, когда дракон в своем втором облике находится. В человеческом – попроще, но связанная с огнем – в любом облике почти не действует. Не веришь? Сходи, сунь руку в костер и убедишься. Так что магии во дворце не сильно нужны. У драконов и раны быстро

заживают, и не болеют они почти. В ритуалистике своими силами обходятся. На боевую магию им плевать по большому счету. Какие-то предметы замагиченные могут заказать, если необходимо – проживать во дворце магу в этом случае необязательно.

– Ладно, во дворце можно обойтись без магов, но почему в нашем отряде их не было. И целители, и боевики нам бы не помешали.

– Как это не было? У наемников совсем слабенькие целители, но были. В одном отряде даже боевой маг был, правда, я бы за мага его не посчитал, – что это за маг, у которого сил на пару молний хватает, которыми и человека-то не убить. Насчет столичных рыцарей не знаю, но думаю, что у некоторых из них целители в свите были, может, и стихийник у кого имелся. А вот у гвардейских стрелков точно были и боевой маг, и целитель. По поводу целителя сказать ничего не могу, а вот маг ехал недалеко от нас, в него первым же залпом три стрелы всадили. Остальных, думаю, либо тоже вначале положили, либо их прирезали, пока они в себя приходили. Может, кто и успел помагичить, но слабенько, так, что мы и не заметили. Да и не выглядывали мы их. Зачем они нам нужны? Единственный серьезный маг, что нам мог помочь при прорыве – это я про гвардейского, – уже мертв был.

Закончив разговор, они некоторое время наблюдали за тренировкой бойцов, потом Тханг посетовал, что он сам не может поучаствовать, а смотреть со стороны скучно, и

ушел в хижину. Волков решил проверить, действительно ли огонь не может ему повредить, подошел к костру, убедившись предварительно, что все заняты своими делами и никто за ним не наблюдает, закатал рукав и сунул руку в пламя. Тханг был прав. Жара Глеб не чувствовал, только приятное тепло. Потом осмотрел руку – никаких ожогов, даже волоски не обгорели, только кожа чуть заметно покраснела, но вскоре вернула первоначальный цвет.

Вернувшись на лавочку, Волков принялся обдумывать полученную информацию и увлекся настолько, что не заметил, как бойцы закончили тренировку и разошлись кто куда. Беспокоить его никто не решился. Глеб удивленно посмотрел на опустевшее место схватки, отметил для себя, что не дело так погружаться в свои мысли – можно врагов проморгать. И вообще, магия – штука занимательная, но лучше отложить свой интерес на потом и заняться более перспективной идеей, чтобы это самое потом могло наступить. Наблюдая за групповой схваткой, Волков отметил, что если личное мастерство каждого бойца не вызывало сомнения, но вот в группе воины работали не очень хорошо. Строй они держать умели, но этим и ограничивались, не используя его преимуществ и действуя каждый сам по себе. С римским легионом, где все воины действуют слаженно, точно единый организм, их точно нельзя было сравнить.

Глеб задумался, почесывая отросшую жесткую щетину на подбородке. Нет сомнений, что Эливетта не смирится с по-

терей земель, а значит, война с маркграфом Турона затянется, ведь обе стороны действуют однообразно, как во времена земного Средневековья, когда главной ударной силой на поле боя является таранный удар рыцарской конницы. Пехота неплохо зарекомендовала себя в обороне крепостных стен, но в полевом сражении выступает только в качестве вспомогательных войск и использует строй только в обороне против атакующей конницы или для сближения с пехотой врага, после чего начинается хаотичная рубка, где каждый бьется индивидуально, вступая в бой, когда погибают впередистоящие бойцы. Бой, как правило, продолжался до тех пор, пока одна из сторон, уstraшенная потерями, не обращалась в бегство.

Чуть лучше дело обстоит с наемными пехотными отрядами и немногочисленными элитными отрядами: такими, как дворцовая стража. Но и их тактика намного уступает отточенным временем и сотнями битв тактике знаменитых римских легионов, являвшихся лучшей пехотой и постоянным образцом для подражания, по крайней мере, до наступления эпохи огнестрельного оружия. И если Глебу удастся создать здесь что-то подобное римскому строю, с его умением долго сохранять боевые построения, перестраиваться в соответствии с требованиями меняющейся обстановки на поле боя, их дисциплинированностью и стройной военной иерархией, когда в случае гибели или ранением кого-то из командиров всегда найдется кому взять управление в свои руки без долгих споров, препирательств и перечислением благородных

предков, то многих потерь на войне удастся избежать.

Загоревшись идеей, он собрал своих соратников и принялся разъяснять им преимущества римского строя, рисуя для наглядности схемы на земле. Воины, внимая Волкову, запереглядывались, кто-то согласно кивал, оценив преимущества, кто-то скептически хмыкнул, сомневаясь в способности недавних крестьян правильно выполнить рисуемые Глебом сложные построения, но равнодушных среди опытных бойцов не было. Не было и категоричных противников предложенной идеи. Заинтересовались все. Только Сувор высказал опасение, что большинство солдат составляют новобранцы: их еще учить и учить обращению с мечом и копьем, пока из них выйдет хоть какое-то подобие настоящих бойцов, и для обучения этим хитростям не хватит времени.

Глеб возразил:

– Для того чтобы новобранцы приблизились к уровню тренируемых с детства рыцарей, и без того понадобится лет двадцать. А для обучения этим, как ты выразился, «хитростям» понадобится год-два. Всего пара лет, и, держась в строю, они будут способны успешно противостоять гораздо более опытным, но не имеющим строя бойцам!

Рыцарь парировал:

– Стоит им потерять строй, и один ветеран нашинкует с десяток таких противников.

Волков согласился:

– Верно. Значит, не нужно терять строй. К тому же им

никто не запрещает дополнительно повышать индивидуальное мастерство, так, чтобы лет через десять они смогли действовать эффективно в обоих случаях. Но главное – строй! Нужно, если противник прорвал боевые порядки, как можно скорее восстанавливать стену щитов, а не увлекаться одиночными схватками.

Доводы Глеба показались собравшимся достаточно убедительными.

– Ваше высочество, а откуда вы про этот строй узнали? – пока остальные молчали, обдумывая сказанное, спросил Мерик.

– Книжки старые читал, – использовал Волков классическую отмазку.

Воины потратили три дня, отрабатывая новую методику. Глеб не стал показывать им сложные перестроения, на отработку которых требуется не один месяц регулярных тренировок. Он постарался лишь улучшить эффективность известной им техники да показать некоторые известные ему приемы римских солдат. После совместных тренировок ветераны на собственном опыте почувствовали преимущество совместных действий. Особый восторг вызвала методика, когда в качестве основного инструмента выступают не клинки, а щиты, несокрушимой стеной давящие, опрокидывающие, сминающие боевые порядки врага. Мечи же выполняют быстрые стремительные уколы, причем атакуется чаще всего не свой противник, а его сосед справа. Воины хохотали,

представляя растерянность врагов, столкнувшихся с такой необычной тактикой.

Утром четвертого дня маленький отряд продолжил путь.

Телегу пришлось бросить, а на коня усадили Тханга. Остальные воины передвигались пешим ходом.

Отряд благополучно добрался до Каоры, но там их постигла неудача.

Шарахаясь по берегу реки, они искали возможность переправиться, но тщетно! Возле всех мостов, возле всех переправ стояли крупные туронские отряды, и незаметно миновать их не было никакой возможности. Укрываясь от рыскающих по округе летучих отрядов противника, бойцы вынуждены были отходить все дальше и дальше вверх по течению реки.

Сейчас они уныло брели по раскисшей после прошедшего дождя, расползающейся под ногами земле, кутаясь в промокшие плащи и лязгая зубами от холода. Видимо, кому-то из местных небожителей показалось, что слишком мало трудностей выпало на долю маленького отряда, и, дабы жизнь не казалась им медом, устроил им принудительные водные процедуры. Вдобавок еще прошлым вечером у них кончились остатки провизии, и голод понемногу, пока только легкими намеками, начал заявлять о себе.

Голод, холод, усталость... К тому же, по мере удаления от мест основного сосредоточения вражеских отрядов, туронские патрули встречались все реже, а последнюю пару дней

и вовсе не появлялись. И бойцы отряда поневоле расслабились.

Наверное, только этим можно объяснить, что опытные и осторожные воины умудрились прозевать появление конного отряда. Заметив тащившийся по лужам отряд, всадники повернули коней в их сторону. Бежать было поздно. Да и далеко ли убежишь по раскисшему полю на своих двоих от быстрых всадников?! И зачем? Побегать, значит, признать свою вину! Может, еще удастся выкрутиться? И отряд остался на месте. Дожидаясь всадников, воины незаметно проверяли, легко ли мечи выходят из ножен, и, в случае если беседа примет нежелательный оборот, готовились дорого продать свои жизни.

– Два полных десятка, – вполголоса сказал Нант, глядя на приближающихся всадников.

– Половина – молодняк. Даже в седле толком держаться не научились, – добавил Сувор. Опытный рыцарь с первого взгляда мог оценить подготовку бойцов.

– На нас и таких хватит, – произнес Тханг, неловко соскользнув с лошади. Сражаться он предпочитал пешим, как и всякий орк.

Всадники добрались до отряда и окружили маленькую группу кольцом, наставив на них острые жала копий. Из рядов кавалеристов выдвинулся, подав своего коня на полкорпуса вперед, воин в длинной, до колен, кольчуге и скруглен-

ном шлеме с широкими полями¹.

– Кто такие? – спросил он.

– Путники, – последовал краткий ответ.

Предводитель кавалеристов внимательно осмотрел маленький отряд, задержав взгляд на угадывающихся под плащами доспехах и оружии, усмехнулся:

– И куда путь держите?

– Туда, где хорошо платят, – ответил Нант.

Он долгое время был наемником и, раз уж они решили изображать из себя вольный отряд, лучше всех мог справиться с ролью бывалого пса войны. Ему и притворяться не было нужды – хватало собственного опыта.

– И где это? Я бы и сам не отказался, – хохотнул командир конного отряда.

Шутка пришлась по душе его подчиненным, и они поддерживали предводителя громким гоготом.

Нант усмехнулся, давая понять, что шутку оценил, и на-

¹ *Капеллина (шапель)* – шлем XIII (по некоторым данным – XII) – первой половины XV века. Представляли собой цилиндрические, цилиндро-конические или полусферические изголовья с приклепанными к ним довольно широкими и слегка опущенными книзу полями. Шлем использовался вплоть до начала XVI столетия. Более поздние капеллины стали изготавливаться уже не клепанymi, а из цельного куска металла. Нередко шлем делали так, что с его помощью можно было закрыть и верхнюю часть лица, для чего поля делались несколько более опущенными и широкими, а спереди в них проделывались смотровые щели или специальные вырезы, которые образовывали как бы отверстия для глаз и наносник. Иногда капеллину дополняли металлическим нашейником, который закрывал и нижнюю часть лица. Особенно это было характерно для конных воинов. (Здесь и далее прим. авт.)

игранно веселым тоном сказал:

– Как видишь, ищем.

Всадник нахмурился. Взгляд его заледенел.

– Сдается мне, – лениво растягивая слова, сказал он, – передо мной шайка разбойников. А с этой братией у нас разговор короткий – петлю на шею и повесить повыше. Другим, так сказать, в назидание.

Остальные кавалеристы сузили круг. Копейные навершия предупреждающе качнулись вперед. Конь под одним из всадников взбрыкнул, молодой парень, пытаясь удержаться в седле, взмахнул копьем. По чистой случайности острый наконечник скользнул рядом с лицом Волкова и краем зацепил капюшон плаща. Послышался треск разрываемой материи. Сувор перехватил рукой древко копья и вышиб всадника из седла. Нелепо взмахнув руками, тот рухнул под копыта коней. Второй всадник ткнул строптивого рыцаря узким, трехгранным наконечником в лицо, но Глеб выхватил из ножен меч и одним ударом перерубил древко. В руках у всадника остался бесполезный обрубок. Он с проклятьем отшвырнул его в сторону и схватился за рукоять меча. Грох мощным толчком опрокинул его вместе с конем.

С головы Глеба соскользнул порезанный капюшон, и предводитель конного отряда вскинул вверх руку и заорал своим бойцам:

– Стойте! – Всадники опустили занесенные копья. Их командир проворно соскочил со своего коня, опустился на од-

но колено, не обращая внимания на жидкую грязь, и обратился к Волкову: – Ваше высочество, нижайше прошу простить... Не узнали. Разрешите представиться – десятник Миклос.

Его подчиненные остолбенели. Еще бы! Во время рядового объезда встретить самого маркиза Фаросс. Разговоров теперь на месяц хватит! Можно будет и перед приятелями прихвастнуть, и на веселых девиц произвести впечатление.

Глеб опешил не меньше. Гуляя в сопровождении Тханга по столице, он встречал толпы людей, но никто из них не узнавал в нем Данхельта Фаросс. А тут вторая встреча – и его инкогнито вновь открыто!

Объяснение было банальным. Столичные жители, занятые своими повседневными заботами, не слишком-то приглядывались к прохожим, особенно к ничем не примечательным прохожим. Мало ли их бродит по столице?! Да и не испытывали такого восхищения от лицезрения членов правящего дома, вдоволь насмотревшись на торжественные дворцовые выезды. Другое дело – провинциальные жители. Для них единственная встреча с правителями и их наследниками – это Событие, запоминающееся на всю оставшуюся жизнь. А поскольку самые большие шансы попасть из провинции во дворец у лучших бойцов, сопровождающих своих благородных сюзеренов, или командиров военных отрядов, то ничего удивительного, что и Дых, и предводитель встреченного отряда – оба ветераны, – опознали маркиза Фаросс.

– Встань, Миклос.

Командир конного отряда поднялся.

– Ваше высочество, разрешите пригласить вас в замок моего господина барона Кайла.

– М-м-м... А ваш барон не будет против?

– Что вы! Барон Кайл будет счастлив принять в своем замке столь высокого гостя.

В разговор вмешался Сувор:

– А туронцы здесь есть?

Командир кавалерийского отряда заметил на нем рыцарские шпоры, поэтому счел необходимым ответить на заданный вопрос. Почтительно наклонив голову, он сказал:

– Откуда у нас туронские солдаты, сэр... Сэр?

– Сэр Тамплъ. Сувор Тамплъ, – отрекомендовался рыцарь.

– Нам известно, что туронские солдаты сейчас укрепляются на побережье Каоры, сэр Тамплъ, но к нашей радости, у них хватает других забот и до нас они еще не добрались.

Сувор мрачно сказал:

– Доберутся. Что тогда делать будете?

Миклос ответил уклончиво:

– Решать будет барон.

– Конечно, – с сарказмом ответил рыцарь, – решать будет барон! По нашей земле рыскают вражеские отряды, а вы забили в своем замке и сидите, выжидая, пока ваш обожаемый барон не примет решение. Еще неизвестно, что он там напридумывает! – Сувор, наконец, нашел, на кого излить ко-

пившееся со дня разгрома раздражение. – Или вы готовы покорно склонить головы перед туронскими ублюдками, а?

Миклос побледнел от злости. Он не был рыцарем, но и у простых воинов имеется гордость. Командир конного отряда не собирался сносить оскорбления даже от дворянина.

– На что это вы намекаете, сэр? – выговорил он, напирая на последнее слово так, словно выплюнул его.

Сувор, будто нарываясь на конфликт, ответил:

– Я не намекаю, я прямо говорю.

– Это уже пахнет оскорблением!

– Да неужели?! А то, что вы бездействуете, когда туронский маркграф вторгся на нашу территорию, – не оскорбление?

Миклос опустил руку на рукоять меча. Сувор с готовностью повторил его движение. Оба обменивались столь яростными взглядами, что если бы глаза их были способны разжигать огонь, то они уже превратились бы в две кучки пепла. С лязгом мечи поползли из ножен.

Пришлось вмешаться Глебу, чтоб не допустить не нужного кровопролития.

– Господа, уймись! – он бесстрашно встал между противниками.

– Мечи в ножны! – взревел Грох и встал рядом с Волковым, готовый отбить удар, в случае если ярость настолько застит глаза рассорившимся воинам, что кто-то из поднимет меч на наследника престола.

Воины продолжали обмениваться испепеляющими взглядами и не торопились убирать руки с рукоятей мечей.

– Осмелитесь не подчиниться приказу? – спросил Глеб, добавив в голос грозные нотки.

Сувор скривился и неохотно разжал пальцы, отпуская рукоять меча. Миклос поклонился Волкову, убрав руку с оружия.

– Прошу прощения, ваше высочество.

Глеб милостиво кивнул, войдя в роль истинного наследника престола.

– Разрешите еще раз пригласить вас в замок моего господина.

Сзади к Волкову придвинулся сержант Каплъ, взволнованно зашептал на ухо:

– Господин, не стоит. Сувор правильно сказал – неизвестно еще, на чьей стороне находится этот барон. Может, он уже принес клятву верности туронскому маркграфу. В этом случае, приняв приглашение, мы окажемся в западне.

Глеб так же тихо ответил:

– У нас нет другого выхода. Если они наши враги, то барон все равно нас просто так не отпустит. Не поедет в замок – организует за нами погоню. Сможем мы оторваться от кавалерийского отряда? Лично я сильно в этом сомневаюсь. Если же барон верен Фаросскому престолу, то своим отказом мы может нанести барону незаслуженную обиду и сами толкнуть в руки врага верного трону вассала. – И подытожил: –

Нет, приглашение придется принять, а дальше... Дальше будем надеяться на лучшее.

Капля вздохнул. Он понял, что Волков уже принял решение и менять его не собирается. Сержант был согласен, что сделанный Глебом выбор является наилучшим в их положении... Но как же ему не хотелось лишний раз подвергать опасности жизнь наследника престола!

Миклос подвел к Волкову своего коня:

– Ваше высочество, мой конь к вашим услугам. Конечно, он не сравнится с теми благородными скакунами, что больше приличествуют вашему положению, но лучшего у меня нет.

– Благодарю, десятник. Но ты зря прибедняешься – у тебя хороший конь. Может, внешне он и уступает дорогим скакунам, но в остальном вполне... да, вполне хорош.

Миклос приосанился, гордо поглядывая вокруг. Каждому приятно, когда хвалят что-то принадлежащее лично тебе. Особенно если похвала выходит из уст человека, с чьим мнением считаются самые влиятельные люди герцогства.

Волков забрался в седло. Конь, выгнув крутую шею, скосил недовольный взгляд на посмевшегося забраться в седло незнакомца. Коротко ржанул, повернувшись к хозяину. Взгляд его выражал недоумение, казалось, он хочет сказать: «Как же так хозяин?» Миклос успокаивающе погладил его по морде. Конь шумно вздохнул и ткнулся храпом в волосы хозяина. Смирился.

Один из солдат уступил седло Сувору. Другой посадил по-

зади себя Мерика. Тханг с помощью товарищей забрался на свою лошадь. Остальным членам отряда лошадей не досталось. Впрочем, большинство из них не слишком переживало по этому поводу. Орки с невозмутимым видом окружили сидящего в седле Волкова. Миклос взял коня под уздцы и повел за собой. Следом двинулись все остальные, вперемешку: и люди барона Кайла, и спутники Волкова.

Несколько всадников, повинувшись приказу командира, подхлестнули коней и галопом ускакали вперед. Миклос, словно извиняясь, сказал:

– Нужно предупредить о вашем прибытии, ваше высочество, господина барона, чтоб он мог приготовить достойную встречу.

Сувор фыркнул, открыл рот, собираясь заявить о том, какую именно встречу им подготовит барон, но напоролся на острый, как лезвие кинжала, взгляд Волкова и промолчал.

Когда впереди выросли мощные, каменные укрепления, Глеб не смог сдержать восхищенного вздоха. Когда он двигался с войском, то повидал немало укрепленных городов, видел и рыцарские замки, но большинство из них не шло ни в какое сравнение с твердыней барона Кайла.

В этом месте река криво изгибалась, и построенный на высоком холме замок с трех сторон омывался водой, так что для осаждающих оставался только один путь для атаки – с четвертой стороны.

Толстые стены, сложенные из огромных гранитных глыб,

выглядят несокрушимо для любых осадных орудий. Высокие башни оцетинились множеством узких провалов-бойниц. Барон – а точнее его далекие предки – не ограничились привычным возведением только угловых башен. Глеб насчитал их аж шесть штук! И это не считая донжона!

Глеб удивился, как холм удерживает всю эту тяжесть, и Миклос пояснил, что под тонким слоем почвы скрывается скальное основание, на котором и возведен фундамент укреплений.

Мост был опущен, воротная решетка из толстых железных прутьев поднята, и путники беспрепятственно проехали в замок.

Возле донжона прибывших ожидала празднично разодетая толпа мужчин и женщин, численностью около полутора десятка. Впереди всех двое – хозяин и хозяйка замка.

Копыта одолженного Миклосом коня простучали по мощенному камнем внутреннему двору. Сопровождение отстало на несколько шагов.

Приблизившись к толпе, Волков соскользнул с коня. Внимательным взглядом окинул встречающих, особое внимание уделив владельцам замка.

Мужчина – на вид лет сорока пяти. Широкоплечий. Рослый. Одет в бархатный камзол зеленого цвета с богатым шитьем, темно-зеленые, почти черные, штаны заправлены в высокие сапоги с золотыми шпорами. На поясе висит длинный меч. Выглядит крепко сбитым, с выпирающими бугра-

ми мышц, но – последствия беспечной, мирной жизни – уже огрузнел, подзаплыл жирком. Лицо абсолютно непроницаемо, из-за отсутствия эмоций выглядит каменной маской. Выделяются только живые, внимательные глаза. Украшенные перстнями пальцы поглаживают холеную бороду. Густые, без единого седого волоска, темно-русые волосы стянуты в хвост.

Женщина выглядит лет на десять-пятнадцать моложе мужа, но может быть, и меньше, стройная, миниатюрная – почти на две головы ниже барона – и весьма привлекательная. Кожа чистая, светлая, лицо без единой морщинки. Наверняка до сих пор собирает толпы поклонников. Строгое, можно сказать, целомудренное, зеленое платье с воротником до подбородка спускается до земли. Темные волосы уложены в высокую прическу. На тонких, аристократичных пальцах одно-единственное украшение – обручальное кольцо. Широко раскрытые карие глаза в обрамлении густых, пушистых ресниц смотрят мягко и несколько... Испуганно?!. Растерянно?!

Хозяин замка шагнул навстречу гостю и, отвесив положенный поклон, заговорил сочным баритоном:

– Приветствую вас в моем замке, ваше высочество. Чувствуйте себя здесь как дома.

Глеб поклонился в ответ:

– Багодарю, барон Кайл. С радостью принимаю ваше приглашение.

– Разрешите представить: моя жена, баронесса Ингрид.

Баронесса сделала книксен и протянула гостью узкую ладошку. Уроки Индриса не прошли даром: Глеб изящно поклонился и мягко коснулся губами нежной, бархатистой кожи.

– Мое почтение, баронесса.

Баронесса заалела, бросила взгляд на супруга, но не торопилась убирать ручку из ладони Волкова. Барон Кайл многозначительно прочистил горло. Ингрид поспешно выдернула ладошку из руки гостя, отпрянула назад. Глеб сделал шаг назад, смутился, словно совершил что-то неприличное. Хотя... Баронесса его действительно заинтересовала, и не будь рядом ее мужа, то... Кто знает, кто знает?.. Волков долгое время успешно сопротивлялся чарам столичных красоток, но сейчас вполне мог и не устоять. Что тому было причиной: долгое воздержание?.. Зов плоти, на генетическом уровне понимающей, что при нынешних рисках жизнь может прерваться в любой момент, и сейчас требуя выполнить заложенную программу продолжения рода?.. Влюбленность?.. Мимолетный порыв страсти?.. Но так или иначе, миниатюрной баронессе, не прилагая никаких усилий, удалось совершить невозможное – заставить поблекнуть в памяти Волкова образ Эливетты: далекий, недостижимый идеал, поразивший Глеба с первой встречи. Надолго ли?!

Барон Кайл предложил проследовать в главную башню. Но, как понял Волков, приглашение распространялось только на него одного, а не на его спутников.

– А мои люди? – спросил он.

– Не беспокойтесь, маркиз, о них позаботятся. Если среди ваших спутников есть рыцари, то, естественно, приглашение распространяется и на них. Но сидеть за одним столом с солдатами?! – барон поморщился. – Или с орками... Нет, я несколько не подвергаю сомнению их храбрость или верность вашему высочеству...

Глеб вспомнил отношение к оркам столичных дворян. Посадить за свой стол орков?! Да, для благородных господ – это урон достоинству. Всё!.. Точка!.. Им плевать, что большинство тех же орков еще недавно проливали свою кровь за Фаросское герцогство и заплатили за свою верность маркизу самую высокую цену – своими жизнями!

Да и в походе многие дворяне косились, что Волков проводит слишком много времени в кругу своих охранников. Пожалуй, единственные, кто доброжелательно отнесся к его охране: и к оркам, и к наемникам из дворцовой стражи, были нугарские дворяне. Но они сами, по мнению большинства благородных, не полноценные рыцари, а так – серединка на половинку! Недорыцари! Те же простолюдины, только с золотыми шпорами!

Вот и сейчас, когда Глеб представил барону Кайлу Сувору, тот оглядел рыцаря и спросил кислым тоном:

– Нугарец?

Видимо, и он разделял всеобщее мнение по поводу рыцарей Нугары.

– Да, – ответил Сувор, гордо вздернув подбородок.

– Он – рыцарь, – негромко, но внушительно добавил Волков.

Барон не стал противиться наследнику престола, но было件нятно, что приглашение Сувор получил только благодаря Волкову.

– Ваше высочество... Сэр... Входите.

Вместе с хозяевами они вошли в башню. На пороге Глеб оглянулся на своих спутников, но к тем уже подошли несколько слуг и повели в сторону казарм. Видимо, барон решил отвести им место рядом со своими солдатами. Свита барона последовала за гостями.

– Ваше высочество, мой мажордом покажет отведенные вам апартаменты.

К гостям подошел одетый в зеленую ливрею пожилой мужчина, поклонился и представился мажордомом замка. Глебу он показался чем-то похожим на Индриса. Профессия накладывает свой отпечаток.

Следом за мажордомом Глеб и Сувор поднялись на третий этаж башни. Тот указал на комнаты по соседству.

Волков вошел в отведенные ему покои, состоящие из двух комнат. Огляделся. Стены были задрапированы зеленым бархатом. На них развешаны расшитые ковры. Украшенный резьбой и позолотой стол, несколько стульев и кресел. Возле стены очаг. На стенах позолоченные светильники. Дубовый паркетный пол был чисто вымыт, стол, стулья

и прочая обстановка были протерты влажной тряпкой, но, несмотря на раскрытые окна, воздух в комнате пах пылью и затхлостью. Видимо, эти покои были предназначены для особых гостей и ими не так часто пользовались. Скорее всего, наскоро привели в порядок, узнав от прискакавших в замок первыми вестников о прибытии маркиза. Вторая комната была размерами поменьше. Две трети ее пространства занимала огромная кровать – человек десять может поместиться, – с резными столбиками и плотным балдахином все той же зеленой расцветки. Рядом с изголовьем притулился низкий резной столик.

В переднюю комнату ввалились два здоровых мужика, с натугой волочивших огромную деревянную бадью. Водрузили ее посреди комнаты. Следом несколько слуг принялись таскать ведрами горячую воду. Из бадьи повалил пар. Заполнив ее водой, слуги быстро покинули комнату. Глеб почувствовал, как зачесалось давно не мытое тело, торопливо сбросил с себя грязную, пропахшую дымом и потом одежду и с наслаждением погрузился в горячую воду. Конечно, деревянная бадья и сравниться не могла с роскошной дворцовой купальней, но сейчас это было не важно.

В комнату заглянул мажордом. Увидев торчашую из бадьи голову Волкова, он повернулся и о чем-то негромко распорядился. В помещение заскочил молчаливый слуга, сгреб разбросанную одежду и потащил к выходу. Следом вошли две девушки с полотенцами и прочими банными принадлеж-

ностями. Похихикивая и заинтересованно постреливая глазами, они приблизились к бадье. Волков предпочитал мыться самостоятельно, что вызывало у слуг в Амели искреннее недоумение, но за последние дни он вымотался настолько, что, оказавшись в горячей воде, разомлел, чувствовал себя совершенно обессиленным и без возражений отдался в умелые руки служанок. Те старательно принялись за дело. Терли, скребли, сдирая налипшую на тело грязь, плескали водой, натирали мыльным корнем, пока кожа не приобрела розоватый оттенок.

Отослав служанок – те уходить не хотели, но Глеб был непреклонен, – Волков выбрался из бадьи, чувствуя себя чистым и освеженным, и завернулся в большое полотенце. Уселся в кресло, откинувшись на спинку, и блаженно прикрыл глаза, ощущая приятную легкость во всем теле.

В дверь комнаты робко стукнули.

– Войдите.

В комнату всунулась голова слуги:

– Можно, ваше высочество?

Дождавшись разрешения, слуга вошел, выложив на стул чистое белье, несколько костюмов, рубашки и приведенную в порядок, почищенную и заштопанную старую одежду Волкова.

Глеб натянул чистое белье, выбрал подходящую по размеру рубашку, перебрал предложенные костюмы, но все они были выполнены в зеленой цветовой гамме – как Волков уже

понял: любимый цвет барона, — отложил их в сторону. Избыток зеленого цвета раздражал. Надел свои походные штаны и куртку. Опясался перевязью с клинками. Терпеливо дожидаящийся слуга сообщил, что торжественный, в честь прибытия в замок наследника престола, ужин готов, и маркиза ожидают в главном зале.

В коридоре он увидел опершегося на стену нугарского рыцаря. Со скучающим выражением лица тот играл кинжалом. Лезвие клинка мотыльком порхало между пальцев рыцаря. При виде Волкова он встрепенулся, убрал кинжал в ножны и осведомился:

– Уже идем, маркиз?

– Да, не стоит заставлять ждать гостеприимных хозяев.

Сувор хмыкнул, он все еще не изменил своего мнения относительно гостеприимства барона Кайла и, в отличие от Глеба, ограничившегося одними мечами, не пренебрег доспехами.

Следуя за провожатым, они спустились на второй этаж и прошли в главный зал. При появлении Волкова все собравшиеся встали. Подскочил мажордом и провел Глеба к почетному месту во главе стола, рядом с бароном и баронессой. Сувора же усадили в конце стола, дальше всех присутствующих. Так барон продемонстрировал ему свое пренебрежение. Рыцарь стиснул зубы, катнул желваками и смолчал, но поклялся себе, что такового унижения не забудет и найдет способ расквитаться и с бароном Кайлом, и с его приспеш-

никами, бросающими сейчас ехидные взгляды на униженного нугарца.

Глеб понимал, что отведенное Сувору место – насмешка, плевок, но им не с руки было ссориться с бароном. Сейчас во время войны важен был каждый союзник. И Волков взглядом попросил Сувора не начинать ссору.

Будь на месте Волкова кто-то другой – Сувора бы это не остановило. Никто не вправе вставать между рыцарем и его честью!

Нугарский рыцарь имел не слишком высокое мнение относительно представителей столичного дворянства и сначала подчинялся Волкову только в силу принесенной наследнику престола присяги, но за время пережитых совместно невзгод Глеб сумел завоевать уважение нугарца. Он не сочился спесью, как амельские рыцари, уважительно относился к ветеранам, не гнушался есть из одного котла с солдатами, на равных делил все тяготы пути, в свою очередь заступал в караул, нес на своих плечах раненых, лично ходил в разведку. А как лихо они вдвоем расправились с остроухими ублюдками?! Сувор аж причмокнул от удовольствия. Наследник герцога Тормахилласта заслуживает того, чтоб за ним идти... И к славе, и к смерти.

И сейчас Сувор выполнит безмолвный приказ сюзерена, даже... Даже если он не по душе...

Барон Кайл поднялся из-за стола и провозгласил, подняв вверх кубок с вином:

– Господа, предлагаю выпить за здоровье его высочества, почтившего своим вниманием наш замок.

Собравшиеся дружно подхватили верноподданныческий порыв барона и дружным хором принялись славить маркиза Фаросс.

...Ужин шел своим чередом. Сидящий на почетном месте Волков вел учтивые беседы с хозяином замка, засыпал комплиментами хозяйку, вежливо отвечал на вопросы остальных, пил вино, перепробовал все блюда. Был учтив и обходителен, очаровав большую часть собравшихся. Казалось, он искренне наслаждается устроенным в честь него торжеством, но Сувор, единственный из присутствующих, кто долгое время провел в обществе маркиза, сумел заметить облегченный вздох Глеба, когда ужин подошел к концу. Кто другой мог бы счесть, что наследнику престола неприятен барон Кайл, и сумел бы использовать полученное знание к своей пользе, но только не прямолинейный нугарский рыцарь. Он уже успел узнать, что маркиз не любит ни торжественных встреч, ни толпы льстецов и больше предпочитает общество своих солдат. Странно, Сувор слышал, что раньше, до своего ранения, маркиз, наоборот, был большим любителем балов, охот и прочих развлечений, как, впрочем, и его сестра. Рыцарь Сувор должен бы быть раздражен таким пренебрежением со стороны маркиза Фаросс благородным обществом, но воин Сувор полностью поддерживал своего сюзерена. И дело не в том, что барон Кайл нанес нугарскому рыцарю оскорб-

ление! По крайней мере, Сувору хотелось так думать...

Барон Кайл был в бешенстве. Умело скрывая свои чувства, он, как и Волков, с нетерпением дожидался окончания торжества. Вот только причины были совершенно другие. Возможно, кто-то из давних приятелей-вассалов и смог уловить бушевавшее в бароне раздражение, но сделал из этого ошибочные выводы. Они решили, что раздражение Кайла связано с теми знаками внимания, которые оказывал молодой маркиз супруге барона. Глупцы! Как и большинство дворян, барон вынужден был жениться не по любви, а по расчету. Брак был выгоден обоим семействам, и барон согласился, но не испытывал к жене пылких чувств. А после рождения наследников и вовсе счел, что сполна выполнил долг перед родом, благо что пышненькие, грудастые служаночки и крестьяночки всегда готовы были скрасить ночь сеньору. А жена... Да что в ней проку, худосочной? Даже подержаться не за что! Давно бы сплавил ее в какую-нибудь обитель Всеотца, не будь священники в таком загоне в герцогстве. Так что ни заигрывания маркиза, ни поведение супруги, благосклонно принимающей оказываемые знаки внимания, не могли вызвать у барона недовольства. Наоборот, в другой ситуации он бы еще порадовался и принялся высчитывать открывающиеся перспективы. Сейчас же его больше беспокоил сам приезд маркиза.

Барон Кайл не был отъявленным подлецом, но он был трезвомыслящим и расчетливым человеком и предвидел

грядущие неприятности со стороны туронского маркграфа. Барон понимал, что земли до Каоры для герцогства фактически потеряны, а значит... Значит, нужно устанавливать связи с будущим повелителем Альгердом, а укрывательство маркиза – не лучшее начало плодотворного сотрудничества. И что теперь делать? Выдать маркиза маркграфу? Укрыть? В любом случае неприятностей не избежать. Осталось только выбрать меньшее из двух зол... Почему?! Нет, ну почему дорога привела маркиза именно к его замку?! Избери тот другой путь, и теперь барону Кайлу не пришлось бы терзаться в сомнениях.

Выдать объявившихся незванными гостей Альгерду Туронскому – хороший способ заявить о своей лояльности новой власти. Без сомнений, маркграф оценит такой жест. Можно будет сделать неплохую карьеру при его дворе, увеличить свои владения или даже породниться с Альгердом. Он знал, что у маркграфа имеется трое детей: два сына – оба неженатые – и дочь. Намного более привлекательные перспективы, чем занять маркиза в качестве любовника жены. Как известно, фаросские драконы могут сколько угодно флиртовать, но браки заключают только с себе подобными. Но передать фаросского маркиза туронскому маркграфу – запятнать честь рода предательством. Даже среди сторонников Альгерда найдется немало людей, которые осудят поступок барона. И не стоит забывать о мести фаросского двора! Хорошо еще, что среди спутников маркиза нет членов влиятельных

амельских семейств, которые были бы лично заинтересованы в наказании предателя. Но и без того... Иметь во врагах Эрно Альтина?! Слишком много слухов ходит об его мстительности... Даже если половина слухов досужий вымысел... А мстить он будет!

Дать маркизу убежище – навлечь на себя гнев Альгерда Туронского. Только полный идиот будет ссориться с будущим сюзереном! Скрыть появление маркиза в тайне? Не получится. Слишком много людей знает о прибытии наследника престола в замок. Всем рот не заткнешь. Небось уже сейчас повстречавшие Данхельта Фаросского солдаты хвастают перед подружками, что лично видели наследника престола. А остальные? Слуги... Гости... Не пройдет и трех дней, как слухи о появлении маркиза дойдут до туронского маркграффа. А на четвертый под стенами замка появится крупный туронский отряд. И что он тогда будет делать? Обороняться? Против туронцев он не продержится и двух декад. Не приходится рассчитывать и на подмогу из Амели...

Впервые барон Кайл не знал, как поступить.

С окончанием ужина гости разошлись кто куда, а барон продолжал сидеть за столом, тупо уставившись на опустевший кубок. Кто-то тронул его за плечо. Барон поднял голову и взглянул на того, кто его побеспокоил. Ингрид... Жена...

Баронесса с беспокойством посмотрела на мужа и спросила, что его тревожит. Этот невинный вопрос вызвал у Кайла вспышку гнева. Разве она может понять причины его беспо-

койства?! Что ей до последствий, к которым может привести прибытие маркиза? Она о них даже не задумывалась. Только и может, что глазки гостям строить. Готова при виде смазливой мордашки из юбки выпрыгнуть. Это при муже-то!

Барон был несправедлив: за все время супружества, несмотря на многочисленные измены мужа – которые он и не стремился скрывать, – она ни разу не дала повода заподозрить ее в супружеской неверности. Молча страдала, когда барон весело проводил время с грудастыми селянками да служанками.

– Отстань! Дура!

Как бы он ни был раздражен, не следовало срывать свой гнев на жене. Неподобаает благородному сеньору орать на супругу, такое может позволить себе конюх, но никак не барон. Хорошо, что они были наедине, и никто не увидел этой неприглядной сцены.

Баронесса отпрянула от супруга. Барон она боялась больше всего на свете. Жесткий, властный, резкий супруг редко, но повышал голос на свою благоверную. Бывало, что и не только голос. Главное, чтоб не было прилюдной ссоры – считал ее муж. А что происходит без свидетелей – личное дело супругов. Вот и сейчас он мог и не ограничиться одними словами, рука же у него была тяжелая.

Барон тяжело поднялся из-за стола, смахнув широким рукавом на пол кубок, и вышел из пиршественного зала, не обратив внимания на испуганно замершую супругу. Что толку

продолжать ссору? Кричи – не кричи, а дело само не решится! Все равно выбирать придется ему. Но как же тяжело сделать выбор...

А придется!

Барон шатался по всему замку, а уже прослышавшие о плохом настроении хозяина слуги заблаговременно старались исчезнуть с его пути. Попадать под горячую руку сеньору никто не хотел.

Поднявшись на самый верх башни, барон подошел к зубчатому ограждению и вперил взгляд вдаль, будто надеялся увидеть там подсказку. За спиной послышались тяжелые уверенные шаги. Кто-то подошел и встал рядом. Капитан Оноре! Он единственный, кто мог добровольно явиться к пребывающему в наилучшем расположении духа барону. В своем предположении Кайл не ошибся. Действительно, это был он. Прогудел уверенный голос начальника замковой стражи:

– Господин, вас тоже беспокоило прибытие в замок его высочества?

Барону показался скрытый намек в прозвучавших словах, но – нет. Взглянув в честное, открытое лицо доверенного во-яки, Кайл понял, что тот говорит именно то, о чем думает, без всякого скрытого подтекста. Оноре беспокоился только о том, что по следам маркиза могут заявиться туронские солдаты, а замок... Замок не выдержит долгой осады. Еще один идиот! Дело не в туронских солдатах – дело в самом марки-

зе! Но стоит ли все выкладывать Оноре? Поймет ли он? И барон ответил нейтральным тоном:

– Да, беспокоит.

– Я прикажу разослать патрули? – спросил Оноре.

В голосе капитана звучит радость. Он переложил беспокоившую его проблему на плечи барона, и может больше не терзаться сомнениями. Счастливчик! А что прикажете делать самому барону? У кого спросить совета? У Всеотца? Так ведь он не ответит.

– Лишним не будет.

Как говорится: чем бы дитя ни тешилось...

– Слушаюсь!

– Отправь десятки Миклоса, Варона, Берта и Зорга, – распорядился барон.

Он еще не принял окончательного решения, но на всякий случай решил воспользоваться подвернувшейся возможностью и под благовидным предлогом удалить из замка самых ненадежных солдат. Тех, у кого честь может оказаться выше верности барону Кайлу, если он все же прикажет захватить наследника престола и его людей. Хотя... хотя спутников маркиза можно и не брать живыми.

– Миклоса? – переспросил Оноре. – Но, сэр, люди Миклоса недавно вернулись с патрулирования. Солдаты устали.

– Ладно, отправь вместо него... Хватит и трех десятков.

– Да, сэр, – ответил Оноре и отправился раздавать указания.

Глеб ничего не знал о терзаниях барона. Находясь в замке, он отдыхал душой и телом, наслаждаясь краткими мгновениями покоя. За время скитаний он научился ценить маленькие житейские радости: вкусная еда вместо надоевшей рыбы и горстки черствых сухарей, теплое, подогретое вино вместо воды, сухая одежда, мягкая, теплая постель вместо брошенного на землю плаща. Но, как бы ни хотелось задержаться здесь подольше, он понимал, что завтра придется продолжить путь в неизвестность, чтобы не подвергать лишнему риску гостеприимных хозяев. Может быть даже не пешком, если барон окажется настоящим патриотом своей Родины.

Перед тем как отправиться спать, Волков решил навестить своих спутников. Поймав пробежавшего слугу, он поинтересовался, где разместили его спутников. Слуга охотно пояснил, и он, в сопровождении Сувора, отправился в сторону казарм.

К раскрытым воротам проскакало около трех десятков всадников. Сразу после отъезда солдат мост был поднят.

– Куда это они на ночь глядя? – удивленно спросил Сувор, в душе у него вновь зашевелились подозрения.

Проходивший мимо солдат охотно пояснил:

– Сэр, капитан Оноре, по приказу господина барона, распорядился выслать патрули. Если в округе появятся туронские солдаты, то мы будем об этом знать.

– А раньше высылали? – все еще не мог успокоиться ры-

царь.

– Конечно, сэр, – удивился солдат. – Как же иначе-то? Только раньше обходились одним десятком, а сейчас, гляди-ка, целых три отправили. Видать, беспокоится господин барон за безопасность его высочества.

Сувор прекратил расспросы. То ли его разыгравшаяся паранойя, наконец, успокоилась, то ли рыцарь понял, что от простого солдата большего он все равно не узнает.

Барон распорядился отвести для отдыха спутникам Глеба небольшую пристройку возле казармы, но там их не оказалось. Волков с рыцарем отыскиали своих спутников в самой казарме, где те в окружении местных солдат травили байки. С приходом благородных господ солдаты напряглись, не зная, чего от них ожидать. Но, к немалому их удивлению, наследник престола не кичился своим происхождением, вел себя ровно и доброжелательно. Охотно включился в разговор, расспрашивал своих спутников, как их тут разместили, интересовался, не беспокоят ли их заживающие раны. Не отставал от него и Сувор, но солдаты уже знали, что он из нугарских дворян, а те – всем известно! – никогда не гнушались обществом простых солдат, даже и не скажешь, что благородные господа. Но наследник престола?! Да любой провинциальный барончик и тот ведет себя в сто раз вышемерно.

Не меньшее удивление вызывало и поведение фаросских солдат. Те не тушевались, когда маркиз к ним обращался, живо включались в обсуждение и не боялись вступать с ним

в спор, словно перед ними всего лишь старый приятель, а не сам наследник престола. И при всем при том было видно, что своего сюзерена они уважают искренне и ради него готовы на всё.

Глеб и не подозревал, что таким отношением к своим спутникам он завоевывает расположение баронских солдат. Волков не забывал о том, что должен играть Данхельта Фаросс, но он не был рожден наследником престола, он был обычным человеком, пускай и оказавшимся в теле маркиза Фаросс, и не понимал, чего ради он должен унижать высокомерием людей, к которым испытывает дружеские чувства, хотя при необходимости мог быть жестким и даже жестоким. Глеб видел, как ведет себя большинство дворян, но не хотел брать с них пример, считая, что низко самоутверждаться за счет других людей. Волков поступал так, как привык на Земле – относиться к людям так, как они заслуживают, кем бы они ни были.хлопот этот принцип доставлял ему немало, но он не отступился от него на Земле, не отступится и сейчас...

Время в обществе сотоварищей пролетело быстро, и вскоре пришлось покинуть теплую компанию. Провожали его искренними пожеланиями не только старые товарищи, но и баронские солдаты. Тханг, несмотря на не до конца зажившую рану, рвался ночевать у дверей его покоев. Остальные орки готовы были поддержать телохранителя Данхельта в этом начинании, но Волков отказался, заявив, что не стоит оскорблять недоверием хозяев замка. Сопровождавший его Сувор

укоризненно покачал головой. Не иначе как он и натолкнул орков на эту идею.

Добравшись до отведенных ему покоев, Волков забрался в кровать, привольно раскинувшись на широком ложе, но заснуть не успел.

Тихо скрипнула дверь и в комнату проскользнула быстрая, легкая фигурка. Раздался негромкий стук: что-то поставили на прикроватный столик, послышался шорох упавшей на пол одежды, и под одеяло забралось горячее обнаженное тело, прижавшись к Волкову пышной грудью. Находясь в полудреме, Глеб отреагировал на появление незваного гостя, как надо, и рука его метнулась к лежавшим в изголовье ножнам. Послышался тихий смешок, и женский голос шепнул, обжигая горячим дыханием:

– Господин, вам сейчас больше понадобится другой меч.

С этими словами мягкая ладошка незваной гостьи скользнула между ног Глеба.

– Кто ты?

Продолжая тесно прижиматься к Волкову, девушка сказала:

– Лора. Господин барон распорядился составить вашему высочеству компанию.

Господин барон распорядился?! Видимо, Кайл обратил внимание на бросаемые Глебом на баронессу взгляды и, опасаясь за сохранность семейного очага, принял превентивные меры, подослав к гостю служанку. Очень мило с его сторо-

ны, но за супругу он переживал совершенно напрасно. Как бы Волкову ни нравилась баронесса Ингрид, тащить ее в постель он не собирался. Просто свинство, находясь в гостях, воспользоваться своим положением и домогаться жены гостеприимного хозяина. Глеб не был неблагодарной свиньей.

Волкову зверски хотелось спать. Завтра с утра его ждала тяжелая дорога, и было бы неплохо хорошенько отдохнуть. Он искал благовидный предлог, под которым можно было бы отослать полуночную гостью, не обидев отказом ни девушку, ни барона Кайла, действовавшего, несомненно, из самых лучших побуждений, но...

Но, взглянув на прижавшуюся к нему обнаженную девушку, передумал. Долгое воздержание – а ведь он отнюдь не монах! – и близость горячего молодого тела пробудили желание. Все мысли кроме одной – той самой! – вылетели из головы, Волков губами нашел мягкие, горячие губы девушки и... Долгое время из спальни маркиза доносились протяжные стоны, сменяемые громкими криками счастья.

Ожидающие в коридоре окончания свидания несколько доверенных людей барона – Кайл после долгих размышлений принял решение перейти на сторону Альгерда Туронского и выдать ему Данхельта Фаросского, – слушая доносящиеся из комнаты звуки, время от времени обменивались негромкими комментариями. Они должны были захватить наследника фаросского престола, когда он утомится и заснет. Но прошло уже около трех часов, а дорвавшийся до по-

датливого женского тела маркиз и не думал успокаиваться.

...Минуты пролетали одна за одной, складывались в часы, а Волков был все так же неутомим. Его партнерша оказалась на диво умелой и страстной любовницей. Видать, барон пожертвовал одной из своих страстей. Лишь на исходе четвертого часа Глеб откинулся на подушки, жадно глотая воздух пересохшими губами. Лора скользнула припухшими губами по щеке Волкова, потянулась к прикроватному столику, навалившись на любовника влажным от пота животом и мазнув горячими сосками по губам Глеба. Волков, извернувшись, поймал ртом сморщенный, набрякший сосок и сжал губами. Девушка рассмеялась, нашарила наполовину опустевший кувшин с вином, сделала несколько глотков и протянула утомленному любовнику. Волков жадно припал к кувшину, выглотал вино до последней капли и раскинулся на смятых простынях. Лора поерзала, устраиваясь поудобнее, положила головку ему на плечо, тесно прижавшись мягкой грудью, и закинула тяжелую ногу поперек живота. Поглаживая спутанные влажные волосы, Волков незаметно задремал.

Когда Лора тихо выбралась из постели, он проснулся. Хотел окликнуть девушку, но было та-а-ак лениво! Расслабленно раскинувшись в постели, он молча слушал тихие шорохи. По звукам было понятно, что Лора старается двигаться как можно бесшумнее, но это его ничуть не насторожило. Вот она набросила на себя ночную рубашку, собрала остальную одежду и вышла из спальни. Скрипнула дверь в коридор, и

чей-то мужской голос негромко спросил:

– Спит?

Лора ответила:

– Недавно заснул.

– Подождем, – веско сказал еще один мужской голос.

– Чего ждать-то? – спросил первый голос. – Разом навалимся, он и пикнуть не успеет.

– Ждем, я сказал! Хочешь, чтоб он за меч успел схватиться? Как ты его потом живьем возьмешь?

Послышался шорох сминаемой одежды, звонкий шлепок и гневное шипение Лоры:

– Руки убери, медведь.

Обиженный мужской голос:

– Ишь ты, недотрога. Можно подумать, в первый раз.

Второй голос хохотнул:

– Не до тебя ей. Ей ныне только блаародных подавай. Вон как заливалась под маркизом, так вопила, что я думал, голос сорвет.

Обиженный голосок Лоры:

– Вам легко говорить, а мне сейчас каково? Такой нена сытнй попался, что декаду все теперь болеть будет...

Дверь закрылась, отрезав тихий шепот.

Волков лежал в постели с бешено колотившимся сердцем. Услышанный обрывок разговора вызвал тревогу, вспомнились подозрения Сувора.

Нужно было что-то делать. Натянув трусы, Глеб нарочито

громко опрокинул пустой кувшин и протопал к выходу. Хотел взять с собой мечи, но передумал, отложил, чтоб не вызывать подозрений. Отломил у одного стула ножку и поставил обломок возле двери, так, чтоб его можно было быстро схватить. Распахнув дверь, он встал на пороге, почесал голую грудь и, сделав при виде четверых ошивающихся в коридоре крепких малых – двое возле его двери и двое возле двери Сувора – удивленный вид, спросил:

– Лору не видели?

Как он и ожидал, вид безоружного человека не вызвал у четверки парней никаких подозрений.

– Ушла, ваше высочество.

Глеб сделал обиженное лицо:

– Как ушла?.. Почему?.. А, ладно, – он махнул рукой, обратился к одному из парней: – Слушай, друг, выручай – вино совсем кончилось. Принеси пару кувшинчиков, а?

Переглянувшись с остальными и дождавшись еле заметного кивка старшего – не будь Волков настороже, он бы и не заметил, – тот ответил:

– Сейчас будет, ваше высочество.

Глеб повернулся, собираясь уйти в комнату, но оглянулся на оставшуюся троицу и сказал:

– Мы там с Лорой немного расшалились, аж столик перевернули. Поставьте его на место, а то я в темноте ноги переломаю.

Играющие роль слуг парни вошли следом за Волковым в

комнату. Поворачиваться к ним спиной Глебу не хотелось, — а ну как приголубят чем тяжелым по затылку? — но пришлось рискнуть, изображая из себя ничего не подозревающего недотепу.

— Где? — спросил старший.

— В спальней.

Шагнув вперед, один из парней запнулся за стоящий на пути стул и с грохотом его перевернул. Светильник в комнате Глеб предусмотрительно не запалил. Пока все отвлеклись на поднятый шум, Волков подхватил стоящую у двери импровизированную дубинку и обрушил ее на голову ближайшего парня. Тот без единого звука рухнул на пол, а Глеб, перескочив через валяющееся тело, тем же ударом отправил в нокаут второго. Третий стал оборачиваться, но, в отличие от хорошо видящего в темноте Волкова, ночным зрением не обладал и не понял, что ситуация кардинально изменилась. Он заработал удар кулаком в солнечное сплетение, а когда согнулся от боли — получил дубинкой по подставленному затылку.

Волков отволок всех троих в спальню, располосовал простыни на длинные полосы, скрутив их жгутом, и умело связал незадачливых ловцов. Заткнул им рты, чтоб они, очнувшись раньше времени, не подняли шум. Глеб проворно оделся, затянул ремни бахтерца, застегнул перевязь с мечами и присел на стул, дожидаясь прихода последнего поимщика.

Придурок даже не насторожился, не увидев своих прия-

телей, небось вообразил, что те уже управились с маркизом самостоятельно, и ввалился в комнату как к себе домой, бес-толково хлопая своими глазенками. Глеб стремительно пре-одолеl разделяющее их расстояние и, пока тот таращился в темноту, легонько кольнул его острием меча в живот. Почув-ствовав прикосновение холодной стали, последний незадач-ливый поимщик замер на месте, едва не выронив тяжелый кувшин.

– Крепче держи. И чтоб ни звука! – шепнул Волков. Испу-ганный парень крепко вцепился в кувшин. – Это барон при-казал вам меня связать? – Пленник помнил, что Глеб прика-зал ему молчать, и закивал головой. Волков получил ответ на свой вопрос. – Теперь аккуратно поставь кувшин на пол. Вот молодец! – дождавшись, когда тот выполнит все указа-ния, Глеб тюкнул эфесом меча чуть повыше уха и подхватил падающее тело.

Отволочь парня к его приятелям – было делом одной ми-нуты. Связать и воткнуть в рот кляп – также не заняло много времени. Можно было попытаться вначале его расспросить, но Волков сомневался, что тот много знает. То, что действо-вали ловцы по приказу барона Кайла, Глеб уже получил под-тверждение, а причины... Вряд ли барон объяснял подруч-ным мотивы своих поступков. Расспросить бы самого баро-на! Вдумчиво, неторопливо... Мечтать можно сколько угод-но, но барон, задумав предательство, несомненно озаботил-ся собственной безопасностью. Нужно собирать своих людей

и убираться из замка до того, как поднимется тревога.

Первым делом Волков отправился к Сувору. Тот безмятежно спал. Глеб потряс спящего рыцаря за плечо. Рука воина первым делом метнулась к мечу, сомкнув пальцы на рукояти. Потом Сувор узнал разбудившего и выпустил оружие. Он вяло приподнял голову, потер кулаками глаза. Взгляд сонный. Посмотрел с неодобрением, мол: какой сон мне испортил, и вновь уронил башку на измятую подушку.

– Сувор, барон Кайл нас предал!

А вот сейчас рыцаря проняло. Страхнув сонливость, он резко сел в постели и вновь схватился за меч.

– Уверен? – рыцарь сам подозревал барона, но не мог не уточнить.

– Четверо придурков должны были связать нас спящими, – ответил Глеб. Не зря же вторая пара ловцов отиралась возле двери нугарца! – Теперь они валяются в моей комнате. Один сказал, что приказ отдал барон Кайл.

Рыцарь начал одеваться. Спросил:

– Что делать будем?

– Тихо, без шума, забираем наших и валим из замка, – сказал Волков. Сувор кивнул. Он хотел бы вначале расквитаться с предателем, но понимал, что Глеб предложил наилучший план. Сейчас главное выскользнуть из расставленной западни, а отомстить... Отомстить можно будет позже. – Плащ накинь, доспехи прикроешь.

Беззвучными тенями они выскользнули в коридор. Тихо

спустились по лестнице. Дверь в башню была закрыта на засов, но, на их счастье, не охранялась. Двор замка тоже был пуст, и они, никем не замеченные, добрались до пристройки, где располагались их сотоварищи.

Пара минут, чтоб объяснить остальным происходящее. Немного больше времени заняли сборы привычных к любым неожиданностям ветеранов, и вот они дружно высыпали во двор и двинулись к воротам...

Глава 2

Не успели они преодолеть и половину пути, как раздался тревожный звук рога, вспыхнули факелы, осветив замковый дворик, и с двух сторон – из донжона и надвратных укреплений – высыпали закованные в сталь вассалы барона Кайла. Владелец замка подстраховался. Сам барон встал на верхних ступенях главной башни, благоразумно укрывшись за спинами своих бойцов. По тревожному сигналу из казарм сыплются полуодетые солдаты. В планы барона, судя по всему, их никто не посвящал.

Спутники Глеба смыкаются плечом к плечу. Лица насуплены. В глазах вскипает ярость. Грозно сверкают острия мечей. Они готовы биться до конца. Кто смелый – подходи первым!

Рыцари барона понимают, что шагнувший первым непременно умрет, умрет и второй, и третий. Они невольно замедляют шаг. Солдаты и вовсе растерянно крутят головами, не понимая, где враг.

– Убить их! Маркиза взять живым! – ревет барон Кайл со ступеней.

Убить?.. Убить?! Убить?! УБИТЬ!!!

Снова?! Глеба охватывает отчаяние. Неужели из-за предательства барона он сейчас потеряет последних солдат, последних товарищей?! Глаза Волкова затянуло багровой пеле-

ной. Отчаяние сменяется опаляющим внутренности гневом. Не бывать! Он и так потерял слишком многих доверившихся ему людей! Поднимающаяся из глубин души ярость распирает его изнутри. Ему кажется, что он становится выше ростом, раздается в плечах, руки наливаются силой. Его трясет от желания смести, уничтожить, разорвать всех вставших на пути врагов. Из груди вырывается низкое, угрожающее рычание...

Вассалы барона, подстегнутые грозным окриком, бросаются вперед. Навстречу бегущим от ворот воинам бросается троица орков: Кранг, Грох и Енг. Их обгоняет неуклюжая, нодвигающаяся с удивительной быстротой гротескная фигура с двумя небольшими пульсирующими горбами на лопатках и мордой, лишь отдаленно напоминающей человеческое лицо, врезается в преграждающих дорогу рыцарей барона, разбрасывает их в стороны с удивительной легкостью. Вассалы сеньора Кайла пытаются обороняться, но их мечи, попадая в неприкрытые доспехами места, либо бессильно скользят по блестящей чешуе, либо оставляют легкие, поверхностные порезы. Крики ярости сменяются криками отчаяния. Неуязвимый монстр бешено рвется к воротам. Бегущие со стороны донжона рыцари заколебались, остановились. Барон Кайл сыпал угрозами, но не мог заставить их атаковать. Страшно... Страшно приближаться к бушующему чудовищу, дико ревущему, как жаждущий крови, обезумевший зверь.

...Глеб не помнил, как оказался в кругу врагов. Он с ры-

чанием крутился в толпе, полосуюя во все стороны острыми когтями и чувствуя сыплющиеся со всех сторон удары, но чешуя держалась. Легкие тычки ей не страшны, а размахнуться как следует в толчее у противников не получается... Когтями?! Чешуя?! Глеб не успевает удивиться – испепеляющий гнев сжигает все посторонние мысли. Внезапно в глазах потемнело, навалилась слабость, ноги задрожали, и Волкова неуклюже повело в сторону...

Уже сломленные, готовые бежать воины увидели, как наводящий ужас монстр неуверенно переступил с ноги на ногу, покачнулся и едва не упал, с трудом выправившись. Рыцари барона Кайла приободрились и с новыми силами накинлись на врага. Чудовище еще слепо отмахивалось лапами, но любому опытному бойцу было видно, что долго оно не продержится. Так и было! Издав рев, перешедший в жалобный всхлип, монстр упал на одно колено, бессильно свесив лапы. Его фигура потекла, словно восковая игрушка под жарким солнцем, и на ее месте возник дрожащий от слабости маркиз Фаросс. Лицо его было бледным и истощенным, светлые волосы потемнели от пота и мокрые прядки прилипли ко лбу, он судорожно глотал широко открытым ртом воздух.

Свистнул меч, с лязгом пройдясь по пластинам бахтерца. От удара Волкова отбросило назад, и он вынужден был опереться рукой на землю. Вассалы барона забыли, что его нужно было взять живым, и кинулись добивать бессильного противника. Еще пара ударов – и Глеб был бы повержен. Но уже

прорвались к нему верные орки. Могучий Грох бешено вращает тяжелый фальчион, каждым ударом убивая по одному противнику. Рядом пластует врагов двумя мечами молодой Енг. Свое оружие он потерял в бою, но не растерялся, подхватил с земли мечи поверженных противников и с новыми силами ринулся в бой. С другой стороны к упавшему Волкову подскочил младший вождь Кранг, закрыл собой, рубил направо и налево. Жалкие ошметки, оставшиеся от рыцарского отряда, отпрянули назад, оставив под орочьими ногами семерых убитых товарищей.

Соберись рыцари с силами, они еще могли уничтожить троицу противников, но промедлили, и их захлестнула вторая волна нападавших. Видя, что второй отряд барона Кайла медлит, остальные спутники Волкова поспешили на помощь товарищам. Сувор, Капля, Нант, Дых, Раон – все ветераны, – даже не оправившийся толком от ранения Тхаг и молодой неопытный Мерик дружно накинулись на деморализованного противника, впрочем, паренька почти сразу же отшвырнули назад, чтоб не мешался под ногами.

– Мы наверх. Опустим мост, – сообщил подоспевшим товарищам Кранг и, оставив Глеба на попечение остальных спутников, троица орков с присоединившимся к ним Каплем бросились вверх по лестнице к подъемному механизму.

– Держите их! – бешено орет и размахивает мечом барон Кайл. – Не упустите!

Рыцари из второго отряда качнулись вперед. Неуверенно

переглядываясь, без всякого строя, за ними движутся растерянные солдаты.

Обвисший на плечах товарищей Волков вскидывает голову, и его взгляд останавливает солдат. Оттолкнув поддерживающих бойцов, он выпрямляется и делает шаг вперед. Глеб интуитивно чувствует, что сейчас еще можно предотвратить новую бойню и спасти своих товарищей, но промедли хоть на миг...

– Солдаты! – тихий поначалу голос Волкова обретает удивительную силу. – Солдаты, ваш барон предатель! Он готов продать свою Родину туронским ублюдкам! Тем, кто жжет и разоряет наши с вами земли!..

– Нет, не слушайте его! Убейте их! – завопил, подпрыгивая на месте, барон Кайл, но он опоздал. Солдаты уже опускают оружие.

– ...Он надеется купить расположение маркграфа Туронского, выдав ему меня. Своего гостя! А кого он продаст следующим?! – голос Волкова продолжал греметь, перекрывая жалкие выкрики барона. – Тебя? – палец Глеба указал на десятника Миклоса, потом на его соседа: – Или тебя? – на следующего: – Или его? Не верите?.. Не желаете верить!..

В воздухе свистнул летящий топор, брошенный кем-то из рыцарей барона Кайла. Сверкающий полумесяц летел прямо в лицо Волкова. Сувор прыгнул вперед, заслоня собой Глеба, и щитом отбил топор в сторону.

Солдаты зароптали. Они в растерянности. Они не знают,

кому верить. Они приносили барону Кайлу клятву верности – это верно. Но и сам барон присягал Фаросскому престолу.

– Барон – мерзавец и клятвопреступник! – голосом свыше звучат для солдат слова Глеба.

– Руби! – насаждает с другой стороны барон.

Выругавшись, Миклос стремительно шагает вперед, еще никто не успел понять, что он задумал, а воин оказался рядом с куцей шеренгой товарищей Волкова, резкий поворот и теперь уже бывший дружинник барона Кайла становится с ними в один строй. Следом за ним тянутся и солдаты его десятка. Не все... Но большинство!

Миклос! Подлый предатель! Барон Кайл готов был удавить перешедшего на сторону маркиза десятника собственными руками. Как и последовавших за своим десятником солдат. Собственными руками! Каждого! По капле выдавливая из каждого предателя жизнь. Медленно. Глядя в тускнеющие глаза.

– Мерзавцы! Свиньи неблагодарные! – надывается он в исступлении. – Убить! Не щадить никого!

Но призыв пропадает втуне. Все больше и больше колеблющихся солдат переходит на сторону наследника престола. Остаются только те, чьи родственники живут на землях барона. А молодежь и необремененные семьями наемники присоединяются к отряду Волкова.

Рыцари медленно отступают к донжону. Они видят, что

большинство солдат перешло на сторону наследника Фаросского престола, и готовятся защищать вход в главную башню, если противник решит перейти в наступление. Многие из них в глубине души осуждают поступок барона, но главное для рыцаря – верность своему сюзерену. И они остаются со своим господином. Но не все, не все... Находятся и те, что не боятся запятнать свою честь отступничеством и ставят верность Родине выше верности сюзерену.

Оноре, капитан Оноре. Верный помощник. Осыпанный милостями родич. Незаконнорожденный бастард, приближенный и обласканный бароном. Он покидает своего господина.

Густав Брэй – один из самых отчаянных рыцарей, верный и неподкупный – рвет с шеи подаренную бароном золотую цепь и швыряет ему под ноги. Красивое лицо рыцаря кривится в презрительной гримасе. Он уходит... Присоединяется к фаросцам...

Кто-то из бывших солдат – уже бывших! – барона бросает в отступающих рыцарей копье, со звоном отлетевшее от окованного железом щита. Но это только первая ласточка! Другие солдаты уже готовы последовать примеру смельчака. Барон Кайл это видит. Он не желает рисковать своей драгоценной жизнью и заскакивает внутрь башни. Осмелевшие солдаты всесокрушающей волной надвигаются на сжавшуюся кучку рыцарей. Отлетает в сторону второе копье, третье – рыцари смело прикрываются щитами. Разгоряченные солда-

ты жаждут крови. Не перехвати Волков управление, и они с такой же яростью рвали бы сейчас его спутников. Но он успел... Кто-то уже тянет из ножен меч, готовясь сойтись в рукопашной с приспешниками барона.

В первые ряды проталкиваются орки, только выйдя из одной схватки, они с радостью готовы ввязаться в новую и мстить, мстить, мстить... За всё: за предательское нападение Альгерда Турона, за гибель в устроенной туронскими солдатами засаде боевых товарищей, за всех повешенных, порубленных по приказу маркграфа. И что с того, что барон Кайл имеет весьма опосредованное касательство к туронцам?! В их глазах он такой же враг... Если не хуже, потому что бьет исподтишка, в спину тем, кто ему доверял.

И они не одиноки в своем желании! Сувор Тамплъ рвется вперед, подпираемый с обоих боков сержантами-ветеранами: Нантом и Каплем. Еще миг и они врубятся в жалкий строй врагов, круша все на своем пути, но слышится голос Волкова:

– Стоять!

Привыкшие к подчинению солдаты замирают на короткое время, и этой заминки хватает сторонникам барона, чтобы заскочить в донжон и запереть за собой крепкие двери. Следом за поспешно ретировавшимся врагом бросается с криками ярости толпа и обрушивает на двери град ударов. Окованные железными полосами толстые, дубовые доски глухо гудят, но держатся.

– Назад!

Недовольно ворча, толпа отхлынула от дверей.

– Десятники! Ко мне!

Из бурлящего людского водоворота поодиночке выныривают разгоряченные младшие командиры. Углядев знакомое лицо, Волков отдает приказ:

– Миклос! Собери своих людей и выстави их на воротах.

Волков не боится нападения извне – все враги укрылись в донжоне, – но он знает, как может быть опасна неуправляемая толпа, и стремится как можно быстрее разделить ее на мелкие отряды под командованием своих командиров. Пусть лучше они занимаются бесполезной работой и тихо ворчат на отданные начальством идиотские приказы, чем громят в безумии все вокруг. Достаточно одной искры поданного примера, и озверевшая толпа бросится грабить, жечь, крушить, насиловать. Волков не испытывал теплых чувств к предателю барону, но не хотел, чтоб пострадали ни в чем не повинные женщины и дети. Да и смотреть, как убивают оставшихся верными своему сюзерену рыцарей и солдат не желал. Настоящий враг – не эти запутавшиеся люди, а туронский маркграф. Умный, хитрый, безжалостный...

– Слушаюсь, ваше высочество! – молодежато гаркает десятник в ответ, преданно поедая глазами наследника престола. Он признал Глеба своим командиром и готов выполнить любой приказ.

Миклос коршуном кидается в толпу, выдергивает из об-

щей массы своих подчиненных и отправляет их к воротам.

– Строиться по десяткам!

Толпа задвигалась. Солдаты сбивались по десяткам, выравнивались. Вдоль формирующегося строя метались их командиры, подгоняя самых нерасторопных. Несколько минут и вместо аморфной, рыхлой толпы возникает четкий строй. Десятники выстроились впереди своих солдат.

К Волкову подтягиваются его спутники. Глеб торопливо обежал их глазами и облегченно вздохнул – все остались в живых. Вместе со старыми товарищами подходят двое незнакомых рыцарей.

– Густав Брэй, – представляется первый и, встав на одно колено, протягивает на вытянутых руках меч. – Моя жизнь и честь принадлежит вам, ваше высочество.

В отличие от того раза, когда в верности Волкову поклялся выкупленный из рабства отряд орков, Глеб не стал впадать в ступор. Теперь он знает, что нужно делать.

– Я принимаю вашу клятву, сэр Густав, – говорит Волков, коснувшись пальцами протянутого меча.

Рыцарь поднимается с колена и отступает назад, освобождая место своему товарищу.

– Оноре Брюс, – говорит второй, – капитан замковой стражи. Моя жизнь и честь принадлежит вам, ваше высочество.

– Я принимаю вашу клятву, сэр Оноре. Встаньте.

Волков смотрит на выстроившихся солдат. Их не меньше семи десятков. Шагает вперед, останавливается перед пра-

вофланговым десятником, смотрит ему в глаза:

– Как зовут, десятник?

Молодой, похожий на молотобойца, рослый и широкоплечий боец с темными кудрями – наверняка не одно девичье сердечко тоскует по бравому молодцу – смущается столь пристальным вниманием наследника престола к своей скромной персоне, но Глеб ждет ответа, и он выталкивает из себя непослушным от волнения языком:

– Терп, ваше высочество.

– Готов биться с туронскими захватчиками?

– Готов, ваше высочество.

Волков кивает и идет дальше.

– Как зовут, десятник?

– Бравил, ваше высочество, – отвечает следующий.

Он полная противоположность предыдущему. Низенький, битый жизнью пожилой боец. Красавцем его не назовешь при всем желании: перебитый, свернутый набок нос, передние зубы отсутствуют, покрытое небольшими оспинами лицо. Выглядит солдат не слишком внушительно, как первый десятник, но взгляд твердый и прямой. Этот если признает твою правоту, то будет стоять до конца.

– Готов сражаться с туронцами?

– Всегда, ваше высочество, – ухмыляется Бравил, демонстрируя прореху в зубах.

– Так держать, боец! – одобрительно кивает Волков и переходит к следующему.

– Как зовут, десятник?

– Колон, ваше высочество.

Колон тоже немолод. Голова солдата гладко выбрита. Лицо испещрено морщинами и покрыто темным загаром, отчего напоминает печеное яблоко.

– Туронцев не боишься?

Десятник гордо вскидывает голову:

– Пускай они нас боятся. Мы их к себе не звали.

Волков хлопает его по плечу:

– Верно говоришь: пускай они нас боятся.

Идет дальше.

– Как зовут?

– Марк, ваше высочество.

Десятник смотрит на Волкова с плохо скрываемой дерзостью в глазах, словно хочет сказать: «Посмотрим, маркиз, какой из вас командир будет».

Ну-ну... Сам так же смотрел на молодого – недавно из училища – взводного. Мол, ты, конечно, лейтенант и все такое, и погоны у тебя на плечах офицерские, но... Молодой был, глупый...

Дальше...

– Игень, ваше высочество.

– Ларош, ваше высочество.

Один высокий, худой как щепка, второй полная противоположность – низенький толстячок, но похожи, похожи... Одинаковые морщинки вокруг глаз, хищный прищур. Луч-

ники. Вне всякого сомнения.

Дальше...

Десятников было восемь, и Волков обошел их всех. Потом вернулся назад, внимательно обвел взглядом выстроившихся солдат, запоминая обращенные к нему лица. Чувствовалось, что бойцы ждут его обращения, но Глеб не умел говорить длинные, зажигательные речи и с радостью бы переложил эту обязанность на чужие плечи, но сейчас никто не мог его заменить, и он вынужден был начать:

– Солдаты! Вам всем уже известно, что войска туронского маркграфа вторглись на наши земли. Я не знаю, когда подойдет подмога из Амели, но мы не должны сидеть сложа руки. Да, нас мало, чтобы противостоять им в открытом бою, но мы можем уничтожать отдельные отряды противника. Они не должны чувствовать себя в безопасности на нашей земле. – Он перевел дух и продолжил: – Солдаты, я не могу вам обещать ни денег, ни богатой добычи...

Кто-то из задних рядов насмешливо выкрикнул:

– Неужто казна совсем оскудела?!

Несколько человек хохотнули, но кто-то из десятников сунул за спину кулак, показав его насмешникам, и те сразу притихли.

– Поправлюсь, – ответил Глеб весело. – Я ошибся. Как раз обещать-то я могу многое, но вот выполнить свои обещания...

Сзади тихо переговаривались его спутники. Сувор с отча-

нием сказал:

– Это худшая речь из всех, что я когда-нибудь слышал. Не удивлюсь, если после его обращения половина солдат разбежится.

– Если не все, – добавил Капль.

– Да, если не все.

Промолчали только орки. У них на родине от вождей не требовалось длинных речей – орки и без того всегда были готовы к бою.

Тем временем Волков продолжал:

– Сами видите, у меня с собой только доспехи и оружие. До казны ой как далеко! – Солдаты расхохотались. – Единственное, что я могу вам твердо обещать – это толпы жаждущих нашей крови врагов. Их так много шляется по нашей земле, что разминуться не получится...

Солдаты притихли, начали недоуменно переглядываться и тихо переговариваться. Сувор схватился за голову. Слова Глеба не годились для обычных солдат, они могли воодушевить только тех, кто подобно Сувору имел личные счёты с туронскими солдатами и желал лишь мести.

– Нет, ну, что он несет! – выдавил из себя нугарский рыцарь.

Те же слова произнес радостный барон Кайл, наблюдающий за сборищем через бойницу в башне.

Сувор, обуреваемый мрачными предчувствиями, пропустил большой кусок речи, и когда Волков закончил свое об-

ращение словами:

– ...Но сколько бы их ни было – мы вышвырнем их с нашей земли! Заставим заплатить сполна за каждую каплю пролитой крови!.. За каждую слезинку!..

Он был крайне удивлен. Его тягостные предчувствия не сбылись. Солдаты отозвались дружным ревом:

– Да!!!

Раздался ужасающий грохот. Бойцы исступленно колотили эфесами мечей по щитам.

Кто-то дико заорал под аккомпанемент ударов:

– Данхельт! Дан!.. Хельт!..

Остальные поддержали:

– Дан! – звучный лязг мечей по оковке щитов. – Хельт! – второй удар.

Сувор оглянулся на своих товарищей, прошептал неверящим тоном, словно боясь громкими словами сбить волну энтузиазма:

– Он смог!

Удивление пополам с восторгом.

Но сотоварищи не обратили на его слова внимания. Они, подхваченные общим порывом, скандировали вместе с остальными солдатами:

– Дан-хельт! Дан-хельт!

Сувор почувствовал, что и его захлестывает всеобщий восторг, и он заорал ликующим голосом, выплескивая рвущиеся из груди эмоции:

– Дан-хельт!..

Волков стоит, глядя в искаженные лица беснующихся солдат. Наконец, бойцы понемногу затихают. Глеб поворачивает голову и подзывает капитана Оноре.

Тот подскакивает к Волкову. Глаза капитана горят восторгом.

– Слушаюсь, ваше высочество.

Глеб поморщился, он терпеть не мог, когда к нему обращались по титулу, тем более ему не принадлежащему, сказал:

– Просто Данхельт или маркиз. Можно – Дан.

– Но... Но, ваше высочество...

Волков обрывает его на полуслове:

– Капитан, вы воин или придворный подхалим?

Вопрос выбивает Оноре из колеи. Он растерянно хлопает глазами, отвечает:

– Воин.

– Вот и обращайтесь – как воин обращается к своему командиру. Уважительно, но без подбострастия. Подхалимов и так полный дворец. Это относится и ко всем остальным, – Глеб поворачивается к замершим в строю солдатам. Если бы сейчас Волкова слышал Индрис, то от такого непочтительного отношения к титулованию дворецкого хватил бы удар. Да и Эливетта, истинная наследница престола, вряд ли бы одобрила попрание родовой чести. Но рядом их не было, а Волкову, чувствующему себя среди солдат своим – не зря же

два года сапоги топтал! – так было проще. – Берите пример с моих спутников.

– Ага! – подтвердил Сувор. Нугарский рыцарь не видел ничего унижительного в предложении Волкова. Глеба он искренне уважал. Достойному человеку не обязательно тыкать всем в глаза своим титулом. Ему и без того есть чем гордиться. Только слабаки и ничтожества постоянно боятся уронить свое достоинство, потому что... Потому что у них его нет!

Нельзя сказать, что предложение Волкова не польстило воякам. Польстило, еще как польстило! Но слишком уж необычным оно казалось солдатам. Даже барон Кайл – барон! Всего лишь барон! – и то не снисходил до панибратского обращения даже с заслуженными ветеранами и требовал обращаться к себе «ваша милость». А тут сам наследник престола! И ведь не заигрывает с солдатами, не лицемерит – уж это старые бойцы чувствовали нутром, – говорит то, что думает.

И его спутники не выглядят ошарашенными. Ладно, орки – что с них взять? – дикий народец. Никаких понятий об уважении! Те и любому королю тыкать будут. Нугарец? Ну, тот в своем репертуаре! Превыше всего ценит воинскую доблесть. Но остальные-то?! Два сержанта, старик, похожий на паренька воин в стеганом доспехе ополченца, мальчишка... И они воспринимают спокойно. Видать, и впрямь привыкли за совместные скитания держаться с наследником Фаросского престола накоротке.

– Капитан, мы должны будем покинуть замок. С собой нужно будет взять запас еды, стрел, копий. Повозки хорошие имеются?

– Да, ваше... маркиз.

– Повозки и лошадей. Кузнецы есть?

– Имеются, маркиз. Среди солдат – десятник Терп неплохо управляется с кузнечной снастью. – Волков кивнул, не зря он сравнил десятника с молотобойцем. Угадал. – Еще Купрос умеет. Замоквой кузнец в донжон отступил с солдатами барона, но его подмастерье Ван здесь остался.

– Походную кузницу взять, если имеется. Распоряжайтесь, капитан.

– Слушаюсь, маркиз.

Капитан Оноре шагнул вперед, набрав в грудь побольше воздуха, и начал громовым голосом сыпать приказами.

– Терп, ты со своими и Ваном в кузницу – соберите все необходимое. Сами разберетесь, что брать... Колон, Бравил – на вас припасы и повозки... Марк, Дорох, Сават – оставайтесь наблюдать за входом в башню. Не дайте им и носа высунуть. И не расслабляйтесь, не на отдыхе. Увижу... – Оноре помахал перед носом подчиненных внушительных размеров кулаком. – Кавалеристы... Ах да!.. Игень, смени Миклоса на воротах – пусть стрелой летит сюда. Ларош, ты со своими в казарменную оружейную – жаль, до замковой не добратся! – всю амуницию, какую найдете, грузите с собой. Повозки найдете у Бравила... или Колона. Будут возражать – ска-

жешь, я приказал...

Солдаты засуетились, получив приказ. Разбившись на маленькие группки, во главе с младшими командирами, они разбежались по замковым постройкам. Вскрывали топорами запертые двери складов, выкатывали во двор телеги, грузили на них мешки с зерном, сухарями, крупами. Ларош вымел подчистую оружейную, загрузив чуть ли не с боем вырванную из рук Бравила повозку деревянными щитами, кожаными и стегаными латами, сапогами, войлочными подшлемниками, кожаными и железными шлемами. Его подчиненные охепками таскали связки стрел и копий и просто деревянные заготовки. Терп с трудом взгромоздил на телегу походную наковальню, переносной горн, меха, собрал все заготовки и инструмент: молоты большие и малые, клещи, пробойники, зубила, два точильных круга, не забыл и толстые кожаные фартуки и перчатки.

Подбежал Миклос, и Оноре отправил его на конюшню, распорядившись осмотреть лошадей, отобрав пригодных для долгой дороги упряжных и верховых. Пояснил Волкову виноватым тоном:

– Единственный кавалерийский десятник остался.

Глеб удивился:

– Единственный? А остальные?

– Пехотинцы, маркиз. Конных солдат было в замке всего полсотни.

– И остался только Миклос?

Оноре ответил:

– Да, маркиз. Роктор остался верен барону. Варон, Зорг и Берт со своими людьми были отправлены по приказу барона в патрулирование. Хотел отправить еще и Миклоса, но тот только вернулся, а людям и, главное, лошадям требовался отдых. Как я теперь догадываюсь, он еще тогда принял решение выдать вас туронскому маркграфу и, чтоб обезопасить себя от возможного бунта, загодя отослал тех, в чьей верности были большие сомнения.

– Он им не доверял?

Капитан смутился:

– Не то чтобы не доверял, маркиз, иначе бы он не принял их на службу. Скорее, не хотел испытывать их верность – все же до того, как принести присягу барону, они служили в герцогских гарнизонах, как и большинство их подчиненных. Но он даже не представлял, что остальные солдаты встанут на вашу сторону.

Вмешался Сувор, до того молча прислушивающийся к их разговору:

– Никто не представлял.

Капитан согласился:

– Верно, сэр. Никто не представлял, – и уже к Волкову: – И чем вы только их зацепили?

Глеб пожал плечами. Он и сам не представлял, что побудило солдат встать на его сторону. Верность престолу?

– Оноре, а сколько вообще у нас солдат? На вид больше

полусотни. Я бы сказал: ближе к сотне.

Капитан задумался, прикрыл глаза, вспоминая. Как всякий хороший командир, он помнил всех своих подчиненных в лицо. Принялся обстоятельно перечислять:

– Миклос и весь его десяток в полном составе. Все – опытные бойцы. С ними еще шесть... нет семь молодых парней, новобранцев, приданных его десятку на обучение. Итого: семнадцать всадников. Еще четверо осталось от Роктора. Двадцать один. Колон и девять его подчиненных. Бравил с шестью солдатами. У Савата пятеро, семеро у Дороха, и еще Марк и Терп – у них на двоих тринадцать бойцов. Все копейщики. Их сорок шесть получается. Еще двадцать... – Оноре сделал паузу, нахмурил лоб, сосредоточенно подсчитывая. – Восемнадцать... семнадцать... нет, все же восемнадцать – чуть про Купроса не забыл! – копейщиков, оставшихся без своих командиров. У Игеня и Лароша – пятнадцать солдат. У первого – семеро, у второго – восемь. Плюс они сами. Семнадцать лучников.

Сувор удивленно – обычно богатые дворяне для обороны замка набирали куда большее число стрелков, – спросил:

– Почему лучников так мало?

Капитан бросил быстрый взгляд на Глеба – стоит ли отвечать на вопросы постоянно вмешивающегося рыцаря? Но Волков и сам выглядел заинтересованным. Оноре пришлось разъяснять:

– Часть лучников – никто же не знал, что начнется вой-

на! – были распущены по домам. Те, кто были набраны из местных. Еще четыре десятка стоят в Бале. Это город такой. Вернее, городок.

– Большой гарнизон! – уважительно сказал Волков.

Сувор был впечатлен еще больше. Нугарский дворянин даже в лучшие времена не мог позволить себе содержать больше семи-восьми бойцов.

– А как иначе, маркиз? Земель у барона Кайла немало – может и с иными графами потягаться. Еще у младшего брата барона есть свой замок. Часть его дружины у нас стоит: Рун – он с бароном в донжон отступил, – и Бравил. Это его десятники. Еще у старшего баронского сына свой дом в Бале, он там всем распоряжается, – растолковывал Оноре. – Но его людей здесь нет, ему самому не хватает – постоянно у отца выпрашивает. Еще у старого баронского друга, того, что отрядом у ворот командовал – вы ему голову голыми руками отвернули, – свои люди... имелись. Также постоянно у нас обретались – своими стали. Дорох из его людей будет. И Зорг еще.

– Ладно, с этим все ясно. Сколько всего у нас бойцов выходит?

– Всего... Всего сто два человека получается, маркиз.

– Ого! Неплохой отряд выходит. Можно и пощипать туронских мерзавцев, – радостно потирает руки Сувор.

Глеб его восторгов не разделяет. Он помнил, как солдаты туронского маркграфа разгромили почти тысячу триста че-

ловек, и не собирался их недооценивать. И еще не стоит забывать про служащих Альгерду эльфов. Их немного, но они превосходные стрелки и следопыты. Такой крупный отряд от них так легко не спрячешь. Могут и маги найтись у маркграфа. То, что в том побоище, устроенном туронцами, они никак себя не проявили – еще ничего не значит. Может, они в резерве находились и вмешаться должны были только в самом крайнем случае. Или сопровождают самого маркграфа. Маги – величина неизвестная, и не стоит сбрасывать их со счетов. Кстати, а как с ними обстоят дела у барона Кайла? Волков озвучивает свой вопрос.

– В замке только целитель. Старый он уже, из своих покоев, считай, и не выходит, – отвечает Оноре. Сразу же поясняет: – Комнаты у него в донжоне, так что целителя нам не видать. В Бале свой целитель имеется. Там и маг есть. Не слишком сильный, но сын барона и такому рад, прибегает при необходимости к его услугам. Ага, еще дружок баронский хвастал, что у него теперь тоже маг в дружине имеется. Ну, как маг... так, одно название, только пыль в глаза пускать.

– Где он? – одновременно спросили Глеб и Сувор. Нугарец уже и меч выхватить успел.

Капитан небрежно махнул рукой:

– Говорю же: маг – так себе. До настоящего мага ему, как попрошайке до герцогской короны. Там же у ворот валяется.

– Сразу не мог предупредить, что он уже сдох? – выска-

зался Сувор, убирая клинок в ножны.

Отвечать Оноре не стал. Да и Сувор не ждал ответа.

– Может, послать к патрулям вестников? – спрашивает капитан у Волкова.

Капитан знает своих подчиненных и уверен, что отосланные из замка, в преддверии произошедших событий, кавалеристы примут сторону наследника престола, как уже приняло большинство солдат.

Глеб обдумывает его слова. Соблазн заполучить в свой отряд еще хотя бы пару десятков всадников велик... велик. Но если капитан ошибочно оценивает своих подчиненных, то они отправят гонцов на верную смерть. Глеб не хочет терять сторонников, он не готов хладнокровно отправить доверившихся ему людей на смерть, но и упускать возможность пополнить кавалеристами ряды своих сторонников – глупо. Уточняет:

– Капитан, вы уверены, что, узнав от наших гонцов о случившемся, их не убьют?

Капитан уверен. Отвечает без тени сомнений:

– Да, маркиз.

– Отправляйте, капитан.

Оноре подзывает ближайшего солдата и требует позвать Миклоса.

Бедный Миклос! В эту ночь ему досталась сплошная беготня.

Солдаты продолжают ускоренно загружать телеги. Но

темп снизился – бойцы устали. Это видит Глеб, видит Сувор, видит капитан Оноре, но задерживаться нельзя. Оноре распоряжается, чтоб люди Дороха и Марка сменили бойцов Бравила и Колона, а Сават – Лароша. Уставшие, утирающие рукавами льющий пот, солдаты занимают позицию напротив запертых дверей донжона, а их товарищи со свежими силами берутся за работу. Ларош, выстроив своих людей позади копейщиков, уходит к оружейной и что-то объясняет сменившему его Савату. Тот кивает, бдительно следя за работой своих солдат. Не гнушается лично залезть под телегу и проверить оси, колеса, втулки. Поломки в пути им не нужны.

Сувор кивает на него и говорит уважительно:

– Обстоятельный!

Оноре усмехается:

– Ларош не хуже. Потому я им двоим снаряжение и доверил. Эти ни одной стрелы не забудут.

Подбежал Миклос.

– Отправь гонцов к патрульным десяткам, пусть сообщат им о произошедшем и предложат присоединиться, – говорит Оноре. Миклос кивает. – Сбор возле старой мельницы, знаешь, где это. Встретимся с ними там. Если к тому времени мы уйдем дальше, то оставим пару бойцов – пусть догоняют по следам.

Вмешивается Густав Брэй, говорит:

– Лучше будет, если к Варону поеду я. Меня он скорее послушает.

Капитан вопросительно смотрит на Волкова. Глеб не возражает. Капитан знает бойцов не первый год, ему, как говорится, и карты в руки.

– Хорошо, – соглашается Оноре и обращается к Миклосу: – Дашь сэру Густаву одного солдата в сопровождение. И остальных попарно отправляй.

Через пять минут шестеро всадников наметом вылетели за ворота. Густав на высоком, массивном коне, укрытом попоной с гербом, и пятеро кавалеристов на быстрых, поджарых лошадях, уступающих рыцарскому коню статью, но гораздо более выносливых.

Миклос, отправив своих людей, возвращается и спрашивает:

– Упряжных лошадей я подобрал, своих мы берем с собой. Что с остальными будем делать? В конюшне еще остались верховые лошади тех, кто выбрал сторону барона, и еще рыцарские кони.

– Заберем с собой, – сказал Глеб.

Подошли остальные десятники и доложили о выполнении приказа. Припасы были собраны, амуниция погружена на телеги, лошади осмотрены. Отряд был готов к выступлению.

– Может, оставшихся без командиров копейщиков разделить по другим десяткам? – спрашивает Оноре.

– Их же восемнадцать, так? Из каких они десятков? И кто ими сейчас командовал? Они же вместе с остальными работали?

– Четверо из одного, шестеро из другого и восемь из третьего. Помогали Терпу, ими Купрос командовал.

Глеб задает вопрос:

– Есть кандидатуры на должность командиров?

– В последнем, там, где восемь, Купрос справится, а вот в остальных даже не знаю, все молодые.

– Если из других кого перевести?

Оноре задумывается и отрицательно качает головой. Десятки и без того неполные, да и народ в них уже сработался, выдергивать оттуда бойцов – только хуже будет.

– Я бы не стал, – отвечает капитан.

Что ж, Оноре виднее. Он всех бойцов знает. Но оставлять десятки без командиров – не годится. Капитан по-прежнему считает, что оставшихся бойцов следует разделить по остальным десяткам, но у Волкова другое решение.

– Купрос!

Вперед выходит солдат с густой черной бородой и такими же волосами, похожий больше не на дружинника, а на разбойника с большой дороги. Ну, как их обычно изображают. Хитроватый прищур из-под выступающих вперед тяжелых надбровных дуг. Покатые плечи борца, мускулистые руки, заросшие черным волосом, толстые ноги, уверенно попирающие землю. На широкой, как лопата, ладони левой руки, на тыльной стороне, крупное пятно застарелого ожога. Оказавшись перед капитаном Оноре и наследником престола, солдат подтягивается.

– Раздели своих подопечных согласно тем десяткам, в которых они служили, и принимай под командование десятков, в котором ты состоял.

– Слушаюсь, маркиз! – радостно отзывается новоиспеченный десятник.

Он быстро разбивает солдат на три небольших отряда и становится во главе своего десятка.

Волков смотрит на два оставшихся без командиров десятка. Солдаты сплошь молодые, и видно, что неопытные. Капитан был прав – достойных кандидатов на вакантные должности среди них нет. Но у Глеба есть другие достойные претенденты.

– Дых! – вызывает Волков, и старый рыбак выходит вперед. – Принимай десяток! – указывает на отряд из шести человек. – И Мерика к себе забирай.

– Слушаюсь, маркиз.

Сувор тихо, так, чтоб услышал один Глеб, говорит возмущенным шепотом:

– Мерика вы, маркиз, отдали мне оруженосцем.

Волков так же шепотом, чуть повернув голову в его сторону, отвечает:

– Ты его все равно ничему не учишь. Только сейчас вспомнил, что он якобы твой оруженосец. Пусть лучше у Дыха под присмотром будет, все равно постоянно рядом с ним крутится. Или ты возражаешь?

Сувор махнул рукой:

– Да пускай забирает. Мне меньше возни.

– Вот и договорились, – подводит итог Глеб и вновь повышает голос: – Кранг! Енг! Вы идете в этот десяток, – Волков показывает на последний не имеющий командира отряд. – Десятником будет Кранг.

– Но, маркиз, – хором запротестовали орки, – мы должны охранять вас.

– С охраной справятся Грох и Тханг.

– Но мы...

– Вы должны, в первую очередь, выполнять мои приказы! Так? – говорит Волков твердо и, дождавшись согласного кивка, отрубает: – Выполнять!

Орки не слишком довольны новым назначением, но больше протестовать не решаются – молчат. Солдаты тоже не рады, что в качестве командира к ним назначили какого-то орка, но тоже – молчат.

– Почему в отряде нет сержантов? – спрашивает Волков капитана.

Оноре отвечает:

– Маркиз, барон не хотел давать обычным солдатам много власти и, когда это было необходимо, ставил временных сержантов из числа своих рыцарей.

– Понятно. Сержант Капля!

– Я!

– Назначаетесь командиром первого... первого взвода. В составе десятков Колона, Бравила и Савата.

Глеб предпочел бы переформировать отряд по римскому образцу – благо неплохо знает их тактику, но малая численность отряда не позволяла создать эффективное соединение, наподобие когорты. Да и времени на всяческие нововведения не было. А ведь мало ввести римские звания – сколько курицу ни называй орлом, летать она от этого лучше не станет! – потребуются месяцы и годы упорного труда, чтоб превратить феодальную вольницу в дисциплинированное войско. Но если и создавать в будущем такое войско, то промежуточное звено между десятком и сотней-центурией вводить все равно придется – слишком большой разрыв... И как это римляне в свое время не додумались?! Впрочем, это дело прошлое. Или – хе-хе, – будущее. Раз так – пусть будет взвод. Или он тут иначе называется? Глеб задумался, но менять приказ не стал.

Если сержант и был в недоумении, то он ничем себя не выдал, отозвался:

– Слушаюсь, маркиз.

Дальше все идет по накатанной.

– Сержант Нант!

Вперед выходит сержант четырнадцатого – где он теперь его отряд? – гарнизона.

– Я!

– Назначаетесь сержантом второго взвода, – говорит Волков. – В твоём подчинении десятки Марка, Дороха и Терпа. Принимайте командование.

– Слушаюсь, маркиз.

– Сержантом третьего взвода, состоящего из десятков Купроса, Дыха и Кранга, назначается Раон.

Бывший подсотник ополчения был удивлен:

Я?

Удивление Раона было оправданным. Подсотник ополчения – не авторитет для профессиональных воинских отрядов, не всегда и десяток доверят. Но Волков узнал от Тханга, что Раон не только бывший наемник и хороший боец, он еще и неплохой командир – может, как полководец он звезд с неба не хватает, но с тремя десятками справиться должен... Он бы и с сотней справился. И, что самое главное, Раон – великолепный снабженец, состоявший при главе амельского ополчения в качестве мастера второй тысячи², но был смещен с должности интригами недоброжелателей. На такую хлебную должность всегда слишком много желающих, думающих не о порученном деле, а о своем кармане.

– Сержант, приказы не обсуждаются, – отрезал Глеб.

– Слушаюсь, маркиз.

– Командиром сотни копейщиков назначается капитан Оноре.

– Слушаюсь, маркиз.

Капитан Оноре выглядит спокойным, только в глубине

² Все столичное ополчение делится на четыре тысячи, во главе с тысячниками. Мастер тысячи – фаросское воинское звание, обозначающее заместителя командира тысячи, отвечающего за подготовку бойцов, снабжение и штаб.

глаз проскальзывает легкая насмешка. Ему кажется, что он понимает мотивы распоряжений Волкова – маркиз расставляет на ключевые посты в отряде верных ему людей. Несомненно, что сержанты должны послужить противовесом самому Оноре, буде ему вздумается нарушить распоряжения наследника престола. Капитан – прав... и не прав одновременно. Волков расставлял своих людей не потому, что он опасался предательства Оноре – воин воина никогда в таком не заподозрит, – причина была в другом: новоприсоединившиеся солдаты, в отличие от старых товарищей, были Глебу не знакомы, он не знал их сильные и слабые стороны, и не мог поэтому совершать перестановки в отряде, а вот своих спутников он успел хорошо изучить и мог представить, чего от них ожидать в той или иной ситуации.

– Его заместителем – Сувор.

Нугарец – не самая лучшая кандидатура для заместителя командира, Глеб предпочел бы видеть на его месте более выдержанного человека, но... во-первых, других, более подходящих на эту должность претендентов нет, а, во-вторых, Волков надеялся, что получив назначение, рыцарь почувствует ответственность за вверенных ему людей и будет более выдержанным. Взрывной, резкий характер Сувора уже начал Глеба понемногу напрягать – сложно находиться рядом с человеком, не зная, какой фортель он может выкинуть в следующую минуту.

– Слушаюсь, маркиз, – отзывается рыцарь, но энтузиазма

в его голосе не чувствуется.

– Миклос!

– Здесь, господин.

– Раздели имеющихся кавалеристов на два десятка и назначь командиров. Будешь у них сержантом.

Глаза воина сияют.

– Сделаю, маркиз.

– Капитан, командуйте выступление.

Оноре солидно откашливается в кулак. Голосище у капитана – будь здоров! От его рыка не только в ушах у рядом стоящих звенит, кони и те шарахаются испуганно.

– Солдаты! Слушай приказ...

Глава 3

Эливетта Фаросс смотрела на свое отражение в зеркале, пока быстрые, умелые руки служанки расчесывали густую волну длинных, светлых волос. В большом зале для приемов ее ожидало собрание дворян, и требовалось предстать перед ними во всем великолепии. Какими бы темными ни были приносимые вести, какой тревожной ни была обстановка, она – маркиза Фаросс, наследница престола – должна предстать перед собравшимися в достойном виде.

В дверь деликатно постучали. Так стучал только один человек.

– Входите, Индрис.

– Ваше высочество, благородное собрание начинает беспокоиться. Меня послали узнать, когда вы почтите вниманием свет фаросского общества, – сказал дворецкий, деликатно отведя глаза. Не дело слуг пялиться на полуодетую наследницу престола! Даже столь доверенным.

Бросив на верного помощника лукавый взгляд, Эливетта сказала ангельским голоском:

– Передайте благородному собранию, что маркиза Фаросс изволит почтить их своим вниманием тогда... когда изволит.

Растерянный дворецкий переспросил:

– Изволит, когда изволит? Так и передать?

– Так и передать.

Индрис сумел сохранить невозмутимое выражение лица и, отвесив безупречный по всем дворцовым канонам поклон, удалился.

Эливетта тихо вздохнула. Она вовсе не думала издеваться над одним из вернейших помощников, но что ей еще оставалось? Наследница престола не может бежать по первому зову своих вассалов. Это может быть расценено столичным дворянством, умеющим подмечать мельчайшие нюансы, как слабость ее власти. А выказывать слабость нельзя даже в благополучное время, не говоря уж о нынешнем тревожном периоде. Хваткие амельские сеньоры не преминут использовать любую подвернувшуюся возможность для укрепления своих позиций, а становиться послушной игрушкой в руках столичной клики маркиза Фаросс не желала.

А ведь еще есть и разнесшиеся по столице слухи о гибели Данхельта Фаросс! Самое удобное время подчинить своему влиянию единственную, оставшуюся в живых наследницу Фаросского престола. Особенно если она напугана грозными событиями.

Маркиза не была напугана. Встревожена – да. Обеспокоена – да. Но не напугана. Хотя кто-то может решить иначе... И попытается этим воспользоваться.

В отличие от остальных, Эливетта не верила слухам о гибели Дана – в душе она по-прежнему называла вселенца именем брата, – в прошлый раз она почувствовала его смертельное ранение. Сейчас – нет. Значит, Данхельт не погиб. И это

внушало определенную надежду.

От размышлений ее оторвал тихий голос служанки:

– Готово, госпожа. Вы позволите мне уложить волосы или позвать мэтра Унгольца?

– Нет, не стоит. Можешь идти, Варена.

Эливетта решила оставить волосы свободно струящимися по плечам. Тяжелая волна длинных волос сама по себе является украшением, притягивая восхищенные взгляды мужчин. Еще это придаст элемент незащитности. Но – не беспомощности! Какими бы прожженными интриганами ни были собравшиеся, по своей мужской натуре, они интуитивно почувствуют желание ее защитить. Ждать от них истинных рыцарских порывов не стоит: расчетливые главы дворянских семейств – не герои романтических баллад и не наивные юнцы, но... В разговоре любая мелочь может оказаться решающей! А, чтоб не выглядеть чересчур вульгарно, голову можно накрыть полупрозрачной накидкой. Да, это наилучший выход! И платье подобрать темных тонов. Так будет символично. Скромный наряд покажет, что маркиза Фаросс скорбит по погибшим членам столичных благородных семейств вместе с их безутешными родственниками. Пожалуй, такой жест оценят. Еще один дополнительный плюс в переговорах.

Эливетта не знала, с чем пришли дворяне, но не ждала от будущей встречи ничего хорошего и заранее готовилась к тяжелой борьбе, учитывая каждую мелочь. В трудное время инициатива снизу – если эта инициатива исходит от столич-

ного благородного общества – грозит многими тревожными неожиданностями.

Эливетта сбрасывает тонкую, полупрозрачную ночную рубашку, оставшись обнаженной. Задорно подмигивает своему отражению в зеркале. Она была довольна своим телом.

Грудь идеальной формы – не большая, но и не маленькая, – крепкая и упругая. Животик с красивой впадинкой пупка, плоский, подтянутый. Талия тонкая, на боках нет ни складок, ни жировых отложений. Заросший светлыми волосами треугольник внизу живота. Ноги длинные и изящной формы. Эливетта поворачивается к зеркалу боком, отставив в сторону ножку и чувственно прогнувшись. В зеркале мелькают крепкие, подтянутые ягодицы. Волна расплескавшихся волос скользит по телу, щекоча чистую, шелковистую кожу, покрытую золотистым загаром.

– Мы просто чудо! – смеется Эливетта, запрокинув голову, и посылает своему отражению воздушный поцелуй.

Проскальзывающий в раскрытое окно теплый ветерок ласкает обнаженное тело, словно чуткий, нежный любовник. Эливетта блаженно замирает, прикрыв глаза. Но она не может позволить себе надолго отрешиться от забот – ее ждут нерешенные дела, ждет дворянское собрание. Маркиза убегает в соседнюю комнату, ей еще предстоит подобрать подходящее к случаю платье.

Нарядов много. Маркиза, задумчиво прикусив губку, перебирает платья, но выбор не затягивается надолго. В голо-

ве уже сформировался подходящий образ, осталось только воссоздать его вживую. Скромное, без лишних украшений, черное платье кажется ей подходящим.

Обычно маркизу одевают расторопные служанки. Обычно... но не всегда!

Скользит по гладкой коже тонкая, черная, просвечивающая, ажурная вязь чулок из эльфийского шелка, нежно обнимает длинные, стройные ножки. Упругая, пружинящая полоска плотно садится на верхнюю часть бедер. Узенький черный кусочек шелка прикрывает пах, тонкие пальчики уверенно затягивают боковые завязки трусиков в элегантные бантики. Следом приходит черед платья. Сшитое лучшими портными точно по фигуре, оно нигде не топорщится, не жмет, ложится на тело, словно вторая кожа.

Вернувшись к зеркалу, Эливетта совершает несколько оборотов.

Черное, облегающее платье с высоким воротом, при всем своем закрытом виде, не столько скрывало, сколько подчеркивало изящные линии фигуры. Эливетта задумчиво оглядела свое отражение, постукивая длинным пальчиком по выпяченной губке. При всей внешней скромности наряд выглядит откровенно вызывающим.

Она решила сменить платье, но потом передумала. Весело улыбнулась. Ну и пусть! Наоборот, то, что надо! Придаться к выбранному маркизой платью не сможет самый яркий поборник морали. Фасон платья не то что скромный – наи-

скромнейший. А остальное... Пусть лучше благородное собрание пялится на ее идеальные линии, мечтая о запретном и втихую пуская слюни, чем будут сыпать псевдоумными советами по поводу сложившейся ситуации.

Эливьетта набросила на голову легкий, почти невесомый покров в тон платью. Выпустила наружу – пусть думают, что случайно выбилась! – прядку волос.

Ее отвлек вновь раздавшийся стук, и почтительный голос напомнил из-за двери:

– Госпожа, собрание ждет.

Маркиза улыбнулась уголками губ. Бедный Индрис все не может успокоиться. То есть это она знает, что он волнуется. Для всех остальных дворецких выглядит живым воплощением невозмутимости. Пробежалась пальчиками по украшениям. Задумалась. С черным неплохо сочетается и золото, и серебро. Но какие выбрать камни? Алмазы, изумруды, рубины, сапфиры? Сапфиры хорошо сочетаются с цветом ее глаз, но не с черным нарядом. Кроваво-красные рубины добавят ее образу зловещности, а он и без того довольно мрачный. Пожалуй, лучше всего подойдут прозрачные как слеза алмазы, но не стоит увлекаться. Достаточно будет серебряного обруча, чтоб придерживать покров, с одним крупным камнем в центре и серебряных же сережек, тоже с алмазами, колье... Без колье – ворот у платья высокий. Колечко? Одно. Тоже серебряное и с алмазом. Нет, не это – слишком массивное. Давно пора от него избавиться – ни разу не надевала. И

не это. Из гарнитура выбивается. Нашла! Нет... а, впрочем, почему – нет? Маркиза полюбовалась плотно охватившим пальчик колечком с прозрачной капелькой алмаза...

– Госпожа?

– Индрис?

Дворецкий входит, аккуратно притворив за собой дверь.

– Госпожа, собрание. Дворянство начинает волноваться.

– Сколько они уже ждут?

– Два часа, госпожа.

Эливетта задумалась, чуть склонив голову набок, и положила пальчик к щечке.

– Подождут еще немного, – решила она.

– Как вам будет угодно, – отвечает Индрис хладнокровно. Он невозмутим, но по мельчайшим деталям хорошо изучившая своего доверенного помощника маркиза чувствует исходящее от него неодобрение.

– Как вам мой наряд?

Эливетта не зря интересуется мнением дворецкого. У него наметанный взгляд. В нарядах – мужских и женских, – он разбирается не хуже лучших столичных портных и даст фору самым завзятым кокеткам.

Взгляд Индриса придирчиво скользит по маркизе. Маска спокойствия на лице остается неизменной, по-рыбы равнодушные глаза не выражают никаких эмоций, словно перед ним не самая красивая девушка герцогства, а манекен для демонстрации нарядов. Привыкшая ко всеобщему вос-

хищению девушка невольно чувствует себя уязвленной. Чурбан бесчувственный! Нет, бледный, педантичный дворецкий ее ничуть не увлекает, но мог же он проявить хоть капельку эмоций! О собрании и то больше беспокоится. Когда после внимательного осмотра Индрис заговорил, то голос его звучал как всегда бесстрастно и сухо:

– Наряд неплох, но, на мой взгляд, выглядит мрачновато.

Эливетта фыркает:

– Это все, что вы можете сказать?

Дворецкий пожимает плечами:

– А что еще?

– Могли бы похвалить, – уязвленно говорит девушка.

Индриса этим не пронять. За долгие годы службы он нарастил на душе толстый панцирь, и ничьи капризы, остроты и оскорбления его не задевают. К любым возмущениям он относится с философским спокойствием, как к погодным изменениям: любой дождь, любая гроза когда-нибудь заканчиваются. Стоит ли каждый раз обращать на них внимание? Так и здесь.

– Зачем? Работа мастера сразу чувствуется. Платье хорошо «сидит». Хотя не знаю, чья заслуга больше: мастера или вашего тела?

Любой комплимент приятен, но только не из уст Индриса. В его изложении звучит только сухая констатация факта, и Эливетта чувствует себя уязвленной еще больше. Лучше бы он просто промолчал! Чопорность, вежливость и кор-

ректность Индриса порой звучат, как изощренная издевка.

Эливетта рассерженно отворачивается к зеркалу, перебирает драгоценности, словно еще не сделала окончательный выбор.

Индрис в глубине души улыбается. Он привык к накатывающим время от времени на Эливетту капризам и относится к ее взбалмошным выходкам, как относится любящий родитель к капризам своего ребенка. Дети его покойного господина стали для дворцового своими. Такими же своими, как его собственные дети... если не больше. И прекратись эти спонтанно возникающие пикировки с Эливеттой, он почувствовал бы себя обделенным.

– Что передать благородному собранию? – спрашивает Индрис все тем же безмятежным голосом.

Внешне он холоден и собран, но изнутри – Эливетта это чувствует, – весь лучится довольством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.